

Александр Матвеев

Поливайлово

Повесть

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44
М 33

Матвеев А.И.
М 33 Поливайлово. Повесть. – М.: ИПО «У Никитских ворот»,
2013. – 112 с.

ISBN 978-5-91366-666-6

«Пишешь прозу – зри в корень жизни», – говорил знаменитый Козьма Прутков из пробирной палатки. «Поливайлово» – третья книга Александра Матвеева в жанре прозы. Для него «зреть в корень» – это правдиво, во всех объёмах социальной среды изобразить тишину добра и громадьё низостей нашего неустроенного существования. «Поливайлово» – это недавняя советская коммуналка, в новые дни ставшая коммуной имущих собственность, деньги и власть; велика Москва, но есть, куда отступить, есть, чем повязать нелюдей – полным отсутствием правосознания, веры и памяти о государственности предков. Критический реализм писателя приживётся ли ныне, когда черта невозврата – позади? Ведь «тихому добру» с парусами не перековать агрессивность паноптикума «мёртвых душ».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-91366-666-6

© Матвеев А.И., 2013
© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2013

ЗАЯЦ НА СНЕЖНОЙ ТРОПЕ

Наспех накинув на плечи куртку, в тапочках на босу ногу, Добродеев выскочил в мороз, крепко сжимая пакетик с семечками подсолнуха. Где они, синички? Вроде бы их нет, но вдруг – тут как тут – две-три птички, а потом – стайка. Откуда прилетают и как чувствуют корм на расстоянии? Почти ритуал с тех пор, как построил загородный дом: приезжая в воскресенье, не забывает про синиц, насыпает семян, подолгу стоит у окна, наблюдая, как проворно ныряют птички в домик и скорёхонько, с добычей вспархивают на берёзу. В будни о кормушке заботится работник, таджик Ромка, под неусыпным и всевидящим оком Пелагеи Михайловны – тещи Добродеева. Суровые зимы пошли – повалили одна за одной. Морозище до тридцати градусов! Снегу – на два метра! Да разве доищутся птички семян крапивы, чертополоха или лебеды? Всё выкосили дачники, ясное дело, у них на участках повсюду ухоженные газоны. Красота красоте – рознь, корма для птиц меньше, потому Добродеев сохраняет в лесу дикие травы: в летнюю теплынь думает о птичьей голодании зимой, а потому и лес у него разноцветьем радуется. Птичий народ узнаёт заповедное местечко издали, вот и благодарит пеньем. И сейчас, в суровую зиму, нет-нет, да и послышится из леса попискивание – знак дают сердечные: холодно, но мы здесь, мы живые. Мы живые?

По телу Добродеева будто прошёл ток, но как-то волной, словно хотел греть, да передумал на полпути. «Что такое? – встрепнулся он, – мороз достаёт, что ли?» Но тотчас понял – это некая дама, недавно поселившаяся в посёлке. Как наяву увидел её, идущую мимо его дома в сторону леса, в синей курточке, с рыжей копной волос, перетянутых красной ленточкой. Каждое воскресенье совершает прогулки по утрам и будоражит его, Добродеева, воображение. Странновато, но вправду говорит народное: «Пороха не выдумает, а думу наизнанку вывернет». И не только. Ещё и выведет на чистую воду, из строя выведет или на большую дорогу, на свет Божий... Какая такая тайна скрывается в облике красивой женщины? Что за чувство – любовь? Тайная, в лесу или у калины, являющаяся из непостижимых закоулков души? И почему образ рыжей красавицы завладел мыслями бывшего асса-лётчика? Не знакомы ещё, имени её не знает, даже взглядом не перебросились, видел-то всего два-три раза, и то с балкона дома, а не отпускает.

Запретив себе думать о незнакомке, Добродеев заторопился от еле слышных пичужьих голосов: «Жив-жив-жив...». Основательно продрогший, он побежал по тропинке к дому. На крыльце, за забором, появился сосед Пуликовский, что-то прокричал, но в ответ Добродеев замахал руками, мол, потом-потом.

Отогревшись у камина, набрал номер Пуликовского:

– Михаил Львович, что хотел? Кричал с крыльца чего?

– А-а-а, – раздался в трубке баритон, – да, смешно ты прыгал среди снега на длинных ногах. Как заяц на морозной тропе. Заяц зимой согреваются, бегая ночью по тропкам. Охотники этим пользуются: расставляют петли из проволоки, и бедолаги-беляки попадают. Вот я и подумал: «А если перед тобой петля, а ты её не видишь?» Представил, как ты, Корней Иванович, на ходу дёрнулся и в снег скувырнулся, а босая нога из тапочка выпорхнула... С испугу. А? Как куропатка на охоте.

– Дурацкие шутки у тебя, Михал Львович, если это шутка.

– Да нет, не совсем шутка, или, скорее всего, горькая шутка. Разворошил ты это осиное гнездо. Здесь большой проект, большие деньги крутятся, а ты ищешь справедливость через Интернет.

– Ну, это ты уже слишком. Что они мне сделать могут?

– Давай не по телефону. Я баньку иду топить. Приходи, поговорим.

В камине жар углей постепенно превратился в сизый пепел. Яркий и живой огонь! Сколько таинства скрывается в этих играющих бликах, но прогорают дрова, спадает жар, и остаётся кучка сизого пепла и чёрных углей. И больше – никакой тайны. Так и у людей: всё непонятное становится когда-нибудь явным, разделённым чертой на белое и чёрное. Все другие краски исчезают и не имеют значения. Чёрное или белое? Правда или кривда? Сколько ломал голову, почему Нехлюдин яростно, до ожесточения, добивался власти в посёлке? Зачем она ему? Ну станет он председателем правления вместо Клавдии Андреевны. И что? Хозяйство посёлка-то авария на одной линии, то – на другой, какой-нибудь канализационной, там прорвёт, тут снегом занесёт. А денег – кот наплакал. В посёлке далеко не бедные люди, хуже сказать – богатые, но скуповатые. Собственно, кто видел богатых и щедрых? Потому богатые, что скупердяи – крадут, крадут. Правда, по-хитрому. Там, где крутятся большие деньги, хищение зовётся бизнесом. Украдёт какой-нибудь бомж в лавке булку хлеба, тут же в полицию сдадут, или охранники покалечат. Вот случай из телевизора: охранник из зала известной фирмы вывел мальчишку в подсобку и забил насмерть – не прячь за пазуху банку сайры! Дикая жестокость! Но факт

воровства имелся. А вот отобрать магазин целиком у мелкого частника – это бизнес: сложные схемы, но всё равно бизнес. Кто-то называет его рейдерским захватом. На дело за кушем идёт, а с ним наёмники, купленные судьи, приставы – хорошо сколоченная ватага. Ух, и вправду, всем бизнесам бизнес – что надо! Сколько денег потратится на увод облюбованной и возжеленной собственности? Это – концерт, симфония, куплеты Курочкина из «Свадьбы с приданым!» Судей, нотариусов, милиционеров подкупишь – и только тогда, смешно сказать, результат получишь. Риск – благородное дело: деньги можно вложить в рейдерскую схему и потерять их, ничего не добившись. Ведь другая сторона тоже не дремлет, подкупает чиновников. А сколько посредников кормятся на этом?! Дашь денег посреднику, и – ничего: то ли обманул, прикарманил, то ли чиновник – «кидала»? Идёт день за днём, месяц за месяцем, посредник не отказывает, но и ничего не происходит. Или происходит нечто, от чего в сухом остатке – пустота. «На самом верху вмешались! – оправдывается посредник. – Козырей у оппонентов оказалось больше». Это значит, что они, то есть противники, деньги большие потратили. А наши деньги где? – бывает, решится спросить заказчик-провинциал. Где-где! На звезде! Неужели непонятно, что со звезды, извините, сдачи не берут! Конечно, у сильных аферистов проколов не бывает. Хотя иные из них, случается, приносятся в жертву заказчиком, потому кое-кто коротает времечко в местах не столь отдалённых; Добродеев вспомнил известного сидельца, которого столичный бомонд даже в политические страдальцы записал. Велика ты, Расся, да неряшлива.

«Фу-ты! – чертыхнулся Добродеев, – до чего уже я дошёл! Целую философию подвёл под заскорузлое ограбление налётчиков. Неужели Нехлюдин нашёл в нашем маленьком посёлке крупные деньги и строит схемы их захвата? Не перемудрил ли Пуликовский? Но уж больно встревоженным был».

Раздался телефонный звонок:

– Корней Иванович! Ну что же ты, передумал?

– Да нет, не передумал. Сейчас иду. Прикорнул у камина и задремал.

Дрова прогорели, на дне камина – горстка сизого пепла. Был ярко пылающий огонь, и что осталось? Ничего. Всё земное в конце концов превращается в кучку сизого пепла.

И незнакомая соседка? Странное сочетание слов или чудесное видение в необозримом болоте... В сознании Добродеева жили две сферы: одна – болотная тина с перечнем химикалий из Нехлюдина и компании, а вторая сфера – с красавицей-соседкой, где были чистый воздух, лёгкость и энергия. Но энергию мужины и женщины соединяет Бог, и только Он! Добродеев мучился, то изгоняя из мыслей прекрасную даму, то возвращаясь к ней. Чем она его так зацепила? Наверное, своей недоступностью, неизведанностью, какой-то тревожащей тайной с ароматом свежести и чистоты, волнами наступающей его в трясине подмосковного посёлка Поливайлово. И это чувство радовало его и одновременно пугало.

«Пусть лучше Нехлюдин и его черти травят мою жизнь, чем эти напрасные муки и мечтанья», – думал Добродеев.

2

НЕХЛЮДИН И ЕГО ПОМЕСТЬЕ

Крупный мужчина, лет сорока пяти, рано разжиревший, с довольно весомым животом, ходил по периметру обширного поместья, проверяя хозяйство. Ничего нельзя оставлять без присмотра. Что говорить о партнёрах, когда на родственников нельзя положиться? «Родственники – родственниками, дружба – дружбой, а денежки – врозь», – думал Нехлюдин. Сколько раз было: доверялся, надеялся, помогал, а тебя предавали. Да и он многих забывал, бросал, выкидывал на улицу. Ничего личного, как говорится, жизнь такая несуразная. Или ты, или – тебя! Так лучше – ты, чем тебя! А потому всегда надо быть на шаг впереди противника, о друзьях и партнёрах умолчим, их следует вдвойне остерегаться. Они лучше, чем кто-то, знают твои сильные и слабые стороны плюс секреты. При случае вдруг воспользуются? А обслуга? Эти тоже рядом, улыбочивые, готовые за тебя в огонь и в воду, ты только развешивай уши, слушай их. Что в услужливых башках зреет? Как узнаешь? Поэтому их требуется держать в строгости, в страхе перед хозяином, время от времени ловить на провинностях, наказывать и даже увольнять в назидание другим, чтоб потом продемонстрировать доброту хозяина, чтоб она, обслуга, старалась и ждала проявления этой доброты.

Нехлюдин заметил на дорожке широкую лопату для чистки снега.

– Какой хрен лопату бросил? Алексей, ты что не смотришь? Кто чистил снег сегодня? Сафар? Вычти у него из зарплаты пятьсот рублей для первого раза.

– Борис Палыч, так Сафар уже не работает! Он уехал в Таджикистан! Извините, вы забыли, наверно? Я привлекал для чистки снега рабочих со стройки вашего третьего дома. Для них тут – не основная работа, вот и относятся бесхозяйственно.

– Ты вот что! Найди среди строителей нормального мужика из таджиков и назначь дворником, иначе этот бардак будет продолжаться. Сам не мог додуматься?

Нехлюдин удовлетворённо осмотрел поместье. Огромный дом, восемьсот квадратов площадью. Гараж на две автомашины, с помещением для прислуги в мансарде. С противоположной стороны участка, под соснами, – высоченный флигель, в зелёных раскрасках хозяйская баня со всеми её атрибутами. Здесь же комната отдыха, и на полкомнаты – джакузи, дальше киноклуб. Недалеко от дома – пруд, с рыбами подо льдом и под снегом.

– Прорубь в пруду поддерживаете? Если рыба задохнётся, шкуру спущу.

– Конечно, Палыч. Лично проверяю, – ответил Алексей, а сам внутренне съёжился: «А вдруг работяги не пробили лёд?»

Но всё оказалось в порядке, и Нехлюдин довольно хмыкнул:

– То-то. Хотел тебя наказать за лопату, но коль на озере порядок, то – ничего, считай, пронесло. Так что компенсировал ты, Алексей, свои недоработки. Действуй и дальше так. И смотри мне, ты меня знаешь!

– Постараюсь, Палыч.

– Скажи прорабу, что в понедельник смотрим строящийся дом. И ещё. Надо поставить там счётчик на газ. Чую, что скоро из газовой службы нагрянут. Хватит, и так больше года отапливаем дом бесплатно!

Сказал, как отрезал.

Хозяин-барин отправился на край посёлка, где красовался дом с флигелями и мансардами. Сдал в аренду чинодралу из московской управы, а теперь смотри за ним в оба глаза. Надыбал, не надыбал денег на фэйс-усадыбу? Десять штук в баксах отстёгивает в месяц! Без задержки! А как ещё? На взятках едет, взятками погоняет. Прощельга. От таких типов всего можно ждать: испортят, украдут и слиняют, а потом ищи ветра в поле.

3

ЗНАТЬ БЫ ПРИКУП...

Пока Нехлюдин проверял хозяйство, его сват, Игорь Карпухин, по кличке в известных кругах Карп, довольно потирая руки, обсуждал с сыном семейный бизнес:

– Ну, Витюха, всё теперь пойдёт путём. Я только что от Чавеса. Наши земли отходят к Москве.

– Как так – к Москве?

– На днях решение будет принято. Наш район, считай, в административном подчинении Москвы. Москва здесь будет, дурило. Значит, мы с Чавесом на коне, мы знали прикуп. Когда-то здесь, говорят, жил дед по фамилии Поливайло. С его халупы и начиналось село, а потом, в перестроечные годы, облюбывал тут место Гриша Плещеев для застройки коттеджами на продажу. Хорошее место! А прорабом у него был наш Гена Царёв, хозяин туалетных кабинок на улицах Москвы. Проныра из проныр, но фамилию какую отхватил! Это надо же!

– Не отвлекайся. Какой такой прикуп здесь?

– Я к тому, Витёк, что историю посёлка надо знать. А прикуп был и есть. Недалёк тот час, когда сюда федеральные министерства переедут. А то и контора самого президента здесь будет. А у нас земли немерено. В посёлке и в окрестных сёлах мы много пахотной земли скупили. Скоро-скоро участки лягут под коммерческое строительство. Мы офисов настроим. Деньги повалят. Не деньги, а деньжищи. А с ними меня и тебя, вместе с твоей клушей Нинкой, примут и за бугром, и где угодно. Вот что значит прикуп знать.

– Папа, ты чего Нинку клушей обзываешь? Она ведь жена моя и дочь твоего друга, Нехлюдина. Да и люблю я Нину.

– Брось, Витёк, обижаться. Жена и жена. Кто спорит? Толстой коровой скоро станет. Нехлюдинская порода.

– Она мне такой нравится.

– Ладно-ладно. Смотри, ни слова ей о нашем разговоре. Не надо, чтобы Палыч раньше времени узнал. Уж больно Боря болтливый и завистливый. Раньше времени возбудится, а мне он нужен для другого дела. Надо через него весь посёлок под себя подмять. Иди, Витёк. Мне ещё с Палычем покалякать надо.

Сын ушёл, а Карпухин стал раздумывать о предстоящем разговоре с Нехлюдиным. Сват сватом, а с ним нужно ухо держать востро. Главное, чтобы Палыч продолжал играть роль радетеля посёлка. Сколько времени и усилий было потрачено, чтобы посадить Палыча на место председателя кооператива! Нешуточную борьбу выдержали с Капой, как издевательски прозвал бывшую председательницу Палыч. В своё время Чавес приметил Палыча и поставил на него в борьбе за власть в посёлке. И не прогадал. Палыч – наглый, изворотливый, заболтает кого угодно. Когда-то в Тюмени отбивал деньгу на строительном бизнесе, а потом, поднакопив капиталов, в политику подался – был помощником губернатора каких-то северных губерний. Там с губернатором вместе и прокололись на жадности. Убрали их оттуда по-тихому.

Теперь у Палыча новый бизнес: выискивает предприятия, где владельцы конфликтуют, изучает их, а в нужный момент он тут как тут, как овчарка, хватает крупный кусок: вначале помогает одному из владельцев, получает доверенности и всё такое. Апофеоз, когда начальники доводят хозяйство до банкротства, а дальше из ручек ласкового арбитражного управляющего скупают по дешёвке на подставные фирмы. Схема известная, простая и эффективная. Где Палыч работал, там и оставил свой след: в Тюмени, в Архангельске, да и в Подмоскovie уже проявился. Надо свата опасаться. Как бы посёлок со всей инфраструктурой под одного себя не подмял! Хотя с Чавесом этот номер не пройдёт! И он, Карпухин, не лыком шит, всегда в кармане запасные козыри найдутся.

Через окно Карпухин окинул взглядом поместье. За бревенчатой, в северном стиле, банькой начинался забор и лес соседского участка. Добродеева, правдолюбца грёбаного. За ним – зона Пуликовского – генерала от инфантерии, как говаривалось при царях. Справа – огромный участок Мурова: сам себе на уме, живёт по принципу «ни нашим, ни вашим».

Карпухин с раздражением посмотрел на ненавистную ему триаду козлоногих – упираются углами в его владение, как пиками. Срезать бы угол по прямой, и увеличилась бы его земля гектара на два сразу. Карпухин зажмурил левый глаз, а правым, как будто всматриваясь в окуляр теодолита, провёл мысленно прямую – представил свой участок в новых границах этак гектаров на семь, а то и восемь. Если поджечь Бабурина – божьего одуванчика, да эту дуру Каретину, жену известного кинорежиссёра-документалиста, то... «Никуда не денетесь, лохи подмосковные! Мы – уральские, не таких видали!» – громко и со злостью крикнул в окно Карпухин.

– Игорь, ты с кем ругаешься? – появилась жена Дарья.

– Да это я так! В сердцах помянул соседей. Не мешай, Даша. Дай сосредоточиться. У меня серьёзный разговор с Палычем по телефону.

Дарья фыркнула и исчезла, как не бывало её.

4

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Все топили бани, и Пуликовский топил. В камуфляжном бушлате, с тремя большими звёздами на погонах. И в валенках! А бушлат-то на голое тело надет. И ноги в валенках – босиком – память деревенская. Пока банька студёная, за берёзовыми поленьями набегашься на ветерок с морозцем. После, когда в печке прогорит не одна охапка, предбанник теплом наполнится, и берёзовые веники дойдут в кадушке до нужной кондиции, эх! – как хорошо выскочить без бушлата и валенок, накинув на плечи чистенькую простынку, отдышаться на морозце, в снег завалиться и с ощущением мужичьей силы, здоровья – в парную. А там – блаженство тела и духа с запахом хлебного кваса и распаренных берёзовых веток... И мышцы оттаивают под вначале мягким поглаживанием веничка, а потом с хлёсткими ударами по распаренному телу приходят и боль, и истомы. И освобождается организм от накопившейся за неделю усталости, а из души и мыслей уходит всё тяжёлое и гнетущее. Особенно если процедуру захода в баньку повторить несколько раз, в перерывах нырнув в снег, а в конце поплавав в бассейне. После бани хочется летать – таким тело кажется невесомым. Пуликовский любил банные дни и ждал их ещё и потому, что париться стало семейной традицией: кто-то из сыновей из города обязательно приезжал, а то и оба заваливались к отцу, да ещё с гостинцем – каким-нибудь особенным блюдом, изготовленным собственными руками.

Но пока огонь разгорается, гудит в печурке, от взгляда на бушующее пламя становится на сердце легче. Какой дурак придумал камины ставить в домах?! То ли дело – печка! Вспомнил родительский дом в Орше. Печка где-то метр на метр, а двух охапок дров хватало на всю ночь, чтоб тепло не уходило. В печке – сама наука: дым не напрямую, как в камине, улетает со свистом, а кольцами движется по проходам, сделанным в стене, и нагревает трубу. Представил тёплую, покрытую голубой изразцовой плиткой стену, к которой он любил в детстве, накатавшись на лыжах, привалиться спиной. На хмуром лице Пуликовского появилась мечтательная улыбка.

Скрипнула задняя дверь, в предбанник ввалился Добродеев.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! – Добродеев дурашливо поднёс руку к вязаной шапочке.

– Здорово! Садись к печке поближе. Пиво будешь?

– Буду! Обмундирование генеральское обмываешь, Михал Львович?

– Бушлат остался ещё с Дальнего Востока! Недавно в чулане нашёл. Тёплый бушлат. Да ладно. Всё это ерунда. Дела-то в посёлке не очень хорошие.

– Что-то случилось?

– Случилось – не случилось... Но случиться всегда может. Этот Игорь Карпухин, оказывается, из уральских. И кликуха у него там была Карп. А его, говорят, оттуда вытащил Чавесов. А за Чавесом много чего числится. В ельцинской администрации послужил, а сейчас вокруг Пенсионного фонда крутится. Где деньги, там и Чавесов. И здесь эта банда что-то задумала. А ты стал через Интернет послания разоблачительные посылать. Зачем тебе это нужно?

Снаружи в дверь кто-то скрёбся, пытаюсь её открыть. Пуликовский и Добродеев переглянулись.

– Что, Михал Львович, тещу в баньку пригласил? Наверно, дверь открыть сил не хватает, – пошутил Добродеев.

– Да Рекс это. Покормить забыл, хотя принёс корм из дома. Поскребётся, а потом лаять начнёт. Подожди, я ему миску с кашей вынесу и вернусь.

Не успела за Пуликовским закрыться дверь, как раздался вскрик, затем грохот и – тишина. Добродеев как сидел, так и остался сидеть несколько секунд в оцепенении, а потом вскочил из-за стола и ринулся на улицу, схватив кочергу. Пуликовский лежал на снегу, у крыльца. Миска с рассыпанной кашей валялась рядом; пёс Рекс поскуливал, опасаясь приблизиться.

– Михал Львович! Живой? Кто так тебя? – Добродеев потряс соседа за плечо.

– Да не шуми ты! Оступился я. Навернулся так, что Рекс перепугался и отскочил в сторону. Аж искры из глаз полетели, больно ушибся.

– Фу-ты! И слава Богу, что живой! Поднимайся помаленьку. Главное, чтоб не сломал ничего. А я подумал, дурное что.

Вернулись в предбанник с охами да вздохами. Дёрнулась дверь, и в морозных клубах возник Жека, сын Пуликовского. Генерал с сыном засобирались в парную, а Добродеев, не любивший париться, поспешил домой, сомневаясь: «Не переоценил ли генерал силёнки? И с чего бы? Ведь сам не займёт место Нехлюдина – по понятиям! Куда там! Есть, кому занять кресло».

У себя, под берёзами, пришли другие мысли: «Петля для зайца... Сравнил меня с зайцем? Нехорошо как-то. Или в натуре по-командирски приметил черту? У них – у военных – привычка такая в крови... Или насчёт соседки что-то заподозрил? Откуда? Сам от себя скрываю. Да и он хоть с тремя звёздами, но – не царь и не Бог, чтоб под меня подводить балансовую черту».

Сумерки сгущались, на чистом небе появились яркие звёзды. Добродеев разыскал в небе ковш Большой Медведицы, а затем легко определил Полярную звезду. Её мерцающий свет привнёс в его душу успокоение и надежду.

5

СБОКУ ПРИПЁКА

Возле кормушки для птиц снег покрыт шелухой, вороньи следы... Ушлая ворона, все крохи подобрала после синичек. В кормушке семечек тоже не было. Мороз усиливался, и Добродеев был рад, что теперь сытым птичкам не страшна холодная ночь.

«Как же! Не я вывалился из тапочек, а Михал Львович скувырнулся с крыльца. Накаркал сам себе!» – подумал он беззлобно.

Но, вспомнив разговор с Пуликовским, встревожился, и, не снимая валенок, прошёл в комнату к компьютеру.

Послания... Разоблачения...

– Опять в обуви в комнату зашёл? Быстро на веранду и сменить валенки на тапочки! – строго сказала жена Тереза.

Пелагея Михайловна по-тёщински укоризненно покачала головой.

– В четыре глаза контролируете. «Никуда мне не скрыться, не спрятаться на деревне от тёщиных глаз», – пропел Добродеев, нещадно перевирая слова известной песни, и отправился переобуваться.

Усевшись перед компьютером, он брезгливо поморщился. Опять пришло несколько электронных посланий: одно – от Нехлюдина, бестолковое, но с перечислением заслуг, которые председатель приписывал себе, любимому, и правлению под ним. Тут же Нехлюдин ковырял финансовые нарушения Прониной и грозился привлечь её и всех старых правленцев. «Как же так можно?! – ругнулся Добродеев, – месяц не прошёл, а кругом – интриги, подделки протокола. Натё вам, пожалуйста, после Клавдии Андреевны ничего путного не сделал, а уже бахвалится и грозит. И остальные крикуны не лучше его».

Как бывало с ним раньше, Добродеев стал, негодуя, воссоздавать картину событий в посёлке. Чавесов – это отравленный воздух посёлка, все нехлюдины, надыхавшись отравы, действуют, словно марионетки в кукольном театре. А Карпужин – его доверенное лицо. «Открыл мне незрячие глаза Пуликовский. Михал Львович – человек сведущий: на чиновников правительства найдёт выход, – думалось Добродееву. – С ментами связан, везде он – свой». В самом деле, откуда бы он знал криминальные клички: Чавес, Карп – производные от фамилий, а вот остальные «погоняла» непонятные. Нехлюдин имеет кличку Клоун – дружки отметили его пронырливость и фиглярство ещё в бытность помощником губернатора северных губерний. А в политике проныры и краснобай ценятся, но, видимо, переусердствовал Клоун. Погнали его поганой метлой. За что? Никто не скажет.

Добродеев вспоминал-вспоминал, и загорюнился. Что? Зачем? Куда? Недавно на собрании Нехлюдин орал на дворничиху, словно он – витязь коммуналки: «Не ходи, старая, больше сюда! Сама виноватая. Платить коммуналку надо! Кончились коммунышки порядки, теперь наступили новые времена. Кто за тебя должен платить?! Я, что ли? Не дождёшься. Отрежем электричество, и вся недолга. А не нравится – в суд обращайся». Дворничиха ушла в слезах, – инфаркт; Клавдия Андреевна погорела, что и требовалось доказать. А вот Полтораков – тот играет роль интеллигента от науки. Вместе с известным светилом, оживляющим мёртвых, состоит в какой-то академии. Псевдоакадемик псевдонаук. Семь бед – один ответ. Хочешь слыть советником президента, купи корочки, можно со скидкой. Всё нынче доступно. Почему банкир Полтораков всплывает в посёлке и разруливает денежные потоки? Мистика. Не на островах папуасских, а тут, в центре России? Вот народец, вот людишки! Надо через Интернет открывать глаза кому-то на банду.

Что делать, если народ молчит? Одним дела нет до нехлюдинцев, другие верят искренне в банду, именуя её командой управленцев; есть нежелающие связываться, чтоб не нарваться на оскорбление, а то и обвинение в фантастических грехах. Подумали бы: разве нужно Нехлюдину ковыряться в канализации посёлка за грош? Прав Пуликовский – тут интерес повыше, и вся эта троица, которая ходит под Чавесом, имеет свой прикид. А некоторые от злости бесятся, вот как выживший из ума старик Ухватов. Далёко за семьдесят, а всё туда же, – подкатывался к Клавдии Андреевне, соблазнить хотел. Она отказала ему во взаимности. Цирк! Какая может быть взаимность к старому и больному, когда у Клавдии Андреевны муж – почти воздушный эквилибрист?! Народ – как лунатик, трава не растёт. Его раздевают-разувают, а он, словно в стельку пьян, не оторвёшь от аппарата, зомбирующего из-за угла. Ухватов посылает электронные пассы, измышляя чушь собачью, настраивая посёлок против Клавы; Ухватов – это рука и меч Нехлюдина. Через «ухватовых» Нехлюдин опускает ниже плинтуса тех, кому интересно знать: откуда у тарифа «ноги взялись»? Ну и артисты-модернисты, в прошлом – непоколебимые коммунисты!

Отмахнувшись от терзающих мыслей, Добродеев перешёл в спальню. Утро вечера мудренее. Снилось солнечная поляна, по ней, не спеша, течёт речушка с кристально чистой водой. Он ловит удочкой пескарей. Удилище самодельное, из тонкой лещины, и поплавков самодельный, из винной пробки, но рыбёшка – настоящая, клюёт и клюёт. Забросил крючок с червяком – тут же поклёвка, дёрнул – и вот уже, трепеща, серебрится на солнце пескарь.

Пробираясь назад, к домику, в молочно-белом мареве цветущего вишенника увидел... рыжую соседку в синем коротком платьице на другом берегу озера. Женщина цветы собирала. Вот он, шанс подойти, заговорить. Но завтра же Интернет взорвётся, будут перемывать их косточки. «А пропади всё пропадом! Почему я должен Интернета бояться?!» – Добродеев, как был в рыбацком костюме, с сачком и баночными

прибамбасами, направился к красавице по тропинке среди дикого разноцветья. И вдруг – бац! Сосна закричала надрывно и протяжно, словно надломилась, а рыжая красавица исчезла.

Проснувшись посреди чёрной ночи, он долго валялся с открытыми глазами, недоумевая и сожалея, что не удалось во сне поговорить с соседкой.

6

РАЗ «ПОГОНЯЛО», ДВА «ПОГОНЯЛО»

Выскочив из парной, Нехлюдин и Карпухин с удовольствием потягивали пиво. На столе – вяленый лещ, сушёная корюшка и даже карп костистый, горячего копчения, необычайно вкусный.

– Знаешь, Боря, я люблю пиво и могу его выпить за один раз пять литров, а то и больше, – сдувая пенку, вожделенно жмурился Карпухин.

– А я люблю в пиво немножко водочки долить...

– Ёрш! Мы на Урале с братьями любили.

– Вот ты жил на Урале, а я – в Тюмени, а дело собираемся делать в Подмоскowie. Скажи, сват! – встрепенулся Нехлюдин, – с каких заводов взялась твоя кликуха? Почему дали тебе «погоняло» Карп? Я тебя ещё не встречал, а уже от дружков слышал: Карп да Карп.

– От фамилии пошло. Но дело не в фамилии. Осторожен всегда я был. Сколько людей в девяностые погибло! А я не зарывался. Если чувствовал, что жареным пахнет, тут же опускался на глубину и выжидал, когда всё успокоится.

– Ты, сват, наверно, даже не догадываешься, что Карп – старинное русское имя. Повезло тебе с «погонялом», м-да, – задумался Нехлюдин, – у нас с тобой дети женаты, а я не знаю ничего особенного о тебе, Игорёк. Как ты сюда попал? В Подмоскowie?

– Да Чавес меня сблатовал. Ему нужен был свой человек. Нарисовал тему, вот я решился и не жалею. Да и с тобой, Палыч, здесь сошёлся, породнились. Чем плохо?

– Так-то так. Только долго ли ты собираешься под Чавесом ходить? С нашей помощью он постепенно всё прибирает к рукам. Суд помогли ему выиграть у посёлка, отсудил трансформаторную подстанцию. Получается, контроль электрохозяйства к нему переходит. А мы с тобой что будем иметь? Я что буду иметь? Нахрена мне здесь сидеть и изображать из себя председателя правления? Ради чего? Куда идём, Игорь?

– Боря, без Чавеса мы никто! Это он нажал на судей через своих держиморд, поэтому бумагу высудил, какую требовал. Понял? Электричество – его, а не наше. А что посёлок без электричества? Сечёшь? Дерьмо собачье – вот что.

– Карп, ты не понял? Я не хочу играть в прятки. Даст или не даст мне что-то Чавес? Меня это не колышет. Чавес контролирует электричество, а мой интерес какой? Твой интерес какой?

– Боря, прежде чем ответить, я хочу спросить тебя... А почему твоё «погоняло» Клоун?

– Какое, нахрен, «погоняло»? Я ведь в политике был, а не в бандитском взводе. А в политике приходится играть роль свою, балансировать на грани возможного и необходимого. Вот я и балансировал. Не всегда удачно. А Клоуном меня прозвал мой губернатор, правда, бывший. Чуть что, позовите Клоуна. Слили бюджетные деньги в подставную фирму на время, нужно было хотя бы часть вернуть, а фирма не вернула. На жадности погорели. И ни хрена не заработали. Фирма испарилась вместе с деньгами. Скорее всего, босс кинул меня. Вот и здесь, в Поливайлово, не хочу, чтоб пустышка выпала. Давай рассказывай, Игорёк, что в конце делить будем и где оно будет лежать?

– Пока ясности нет. Но как минимум распилим доступ к электричеству посёлка.

– Не держи меня за дурака, Игорёк! У тебя только в посёлке более пяти гектаров земли. Верно? У Чавеса не меньше. Говорят, что разбил ты участок на двадцать мелких делан и собираешься строить дома на продажу. Давай сразу, Игорь, договоримся, что я в доле. Сколько мне даёшь? Как я понимаю, Банкир будет в доле с Чавесом. Они, оказывается, друг друга давненько знают – под Рыжим ходили.

– Ладно, сват! Не будем ссориться. Я хочу строить и продавать дома. И мне нужна инфраструктура: канализация, электричество, пути-дороги, сам понимаешь, и прочее. Ты мне всё обеспечиваешь и десять процентов от прибыли – твои. По рукам?

Они засиделись в бане далеко за полночь. Под давлением свата Карпухин согласился прибавить долю в бизнесе внутри посёлка. Двадцать процентов от прибыли – это не шиш с хреном! О детишках-молодожёнах забыли, будто память отшибло, а то торжище никогда не кончилось бы.

Нехлюдин рокотал от довольства собой: уломал свата на проценты, а Карпухин был выше крыши как рад – не удалось Пальчу расколоть его. А доля этакая от бизнеса – вполне нормальная плата за грязную власть в посёлке, за риск. Но самое-самое в деле – тупость Пальча, не догадался он об истинных масштабах бизнеса. А ведь пытался Карпухина перетащить на свою сторону в будущей войне с Чавесом. «Дурак ты, Клоун! Не та фигура Чавес, которую можно кинуть. Кровью умоешься!» Нет, с этим Клоуном нужно быть осторожным. Использовать и платить через долю в бизнесе. А уж как прибыль показать минимальной, ему ли не знать?

На морозном безоблачном небе висела луна, покачиваясь, словно на качелях. Лаяла собака у Цукаренко, невидимого мужичка, который ни с кем не путается, ни на кого не катит бочку, никого не поддерживает, ни с кем не ругается и не дружит ни с кем.

Проходя мимо дома Пуликовского, Карпухин не удержался и пнул ногой несколько раз в чугунную ограду, представляя, что пред ним сам генерал. «Железный генерал, чёрт бы тебя побрал! И твоего соседа Злодеева за компанию!» – приговаривал он в такт пинкам. Затем он стоял пнём во дворе своей усадьбы, холодильник лез за воротник, словно лезвием поглаживая кожу. «Самый ценный фрукт – этот Цукаренко, – рассуждал он спяну, – побольше бы таких, и давно бы власть в посёлке была карпухинская. Пей да дело разумей. Кто-то явно, без подражаний Цукаренко, против выступает? Не переломил бы собрание через колено, стал бы Нехлюдин никем, тараканом; сам он думает, что он своим краснобайством добыл победу. А сколько силы, ресурсов ухлопал, судясь с Клавдией Андреевной?! Держал толковище с людьми, прикидываясь своим в доску. Нет, нельзя так брать, как пытается делать сват, становясь в позу клоуна».

Карпухин поднялся на крылечко и нырнул в проём двери, как в воду канул, на прощанье погрозив качающейся луне пьяным кулаком: «Ну ты, стерва, не балуй там!»

7

ВЫХОДНОЙ В ПОЛИВАЙЛОВО

К Чавесову приехали гости. Точнее, ехали-ехали, да не доехали метров двести. На узенькой поселковой улице джип сполз в кювет и завалился в снег. Из джипа вышел человек – сиреневый пиджак, с огромным цветастым шарфом, намотанным вокруг шеи. Добродушно пожурил водителя:

– Что же ты, брат, ворон ловишь?

– Жора, да здесь такие дороги, что две курицы не разойдутся. Прости, не заметил под снегом канаву.

– Ладно, не базарь. Пойду к Чавесу. Вытащат.

И точно. Через энное число минут собралось человек пять мужиков. Среди первых – Царёв. Сразу стал распоряжаться:

– Я сейчас свой джип пригоню. И лопаты, лопаты принесите от Чавесова! Я – за джипом, а вы подкапывайте снег под колёсами и ёлок наломайте, под колёса набросайте.

Пришёл Чавесов, оставив гостя дома, и молча стал наблюдать за подъёмом джипа. Больше всех усердствовал Царёв – он успевал подкапывать снег и покрикивать на помощников, обращаясь то и дело к Чавесову:

– Всё будет путём, Апостиль Стефанович. Ещё чуть-чуть и вытащим.

– Уг-гу, – отзывался Чавесов.

Через полчаса «бумер», брызнув снегом из-под колёс и фыркнув вонючим газом, рванул вперёд и исчез в широких воротах Чавесова. За ним косяком отправились хозяин дома, Карпухин и Полтораков. Царёв торчал возле машины с рабочими-таджиками.

– А собираться где? – обиженно крикнул вслед ушедшим.

– Хозяин не позвал твоя плов кушать? Да? – спросил тщедушный таджик. – И моя не позвал. Пошли к нам, в вагончик. Таджик хороший плов делать. Пальчики оближешь

– Пошёл вон, сопля таджикская! Зашибу!

– Зачем ругаться, начальник? – дворники-таджики отскочили от Царёва, оглядываясь на злого русского, который стоял в растерянности посреди дороги со своим джипом наедине.

«Начальнички! – негодовал Царёв, – не позвали за стол! Не удостоили! Место показали! С какой стороны на вас, гадов, наехать? Прикрыть туалеты Москвы? Им всё по барабану. Не укусишь».

Карпухин с Полтораковым недолго задержались.

Уходили от Чавесова невесёлые. Время к обеду, можно бы и отобедать вместе, но их как-то очень быстро выпроводили, или показалось? Полтораков перекрестился на затихший флюгер и спросил:

– Игорь, не пойму я что-то Апостиля Стефановича. Как-то не по-людски нас выпроводил. Не чужие ведь ему.

– У него – гость. Наверно, что-то важное перетереть нужно. Не хотел он нас с гостем знакомить.

– А кто это? Ты знаешь?

Карпухин остановился и, притянув за плечи Полторакова, что-то негромко сказал на ухо.

– Да ты что?! Не может быть! Он же на зоне. Недавно по телевизору показывали, что ему срок припаяли.

– Не кричи ты. Был на зоне, а сейчас у Чавеса сидит в гостях. Но я тебе ничего не говорил. Держи язык за зубами! Понял?

– Это ты меня будешь учить?!

Карпухин с надсадой набрал воздуха полную грудь – и этот ещё туда же! Полтораков не стал ждать – отмахнулся, подавшись восвояси.

А вон кто-то идёт кататься на лыжах в лесу. К кому-то приехали гости. В доме Мидоры – загадочной подружки Нехлюдина – дым коромыслом, собралась компания под стать первомайской. Под виски да под хозяйкину закуску перетирали косточки соседям. Мидора – рупор сплетенных атак против недовольных Нехлюдиным. В её доме родилась не одна идея, как блокировать отщепенцев или устроить облаву на соседей-врагов.

Гост подняла Барабанова:

– Ты, Мидора, не стесняйся в выражениях. Пали их! И этого придурка Ухватава используй по полной программе. Придурок-то придурком, но даёт прикурить Капе. Подскажи ему, чтобы крепче взялся за Злодеева, больно зарываться начал самозванный интеллигент-правдоискатель. А с Ухватава что возьмёшь? Больной и старый. Но злость так и прёт из него. Как ты думаешь, с чего он так ненавидит Капу?

Нехлюдин застучал ложечкой по стеклу с пузырьками шампанского:

– Слушайте! Не болтайте – враг не дремлет! Пронина свою роль сыграла.

– Чего ты, сударь-государь, всё раскатываешь эту карту да раскатываешь? Я бы по фамилии её не звала, а только по кличке. А кличка у неё сама за себя говорит... Капа! – завелась Мидора.

– Ну уж! – встрепенулся Нехлюдин, – пока нет аудита...

Мысль оборвалась, все обернулись к тамаде, но у неё уже краснело лицо и надувались щёки.

– ...кассы кооператива, – подсказал Карпухин.

– Аудит пригласим и поставим задачу доказать, что из кассы денежки уплыли. Как миленькая, заткнётся наша Капа, – обаял присутствующих Нехлюдин.

– При чём тут это, если она – Капа? – прервала Барабанова.

– Капу заткнём и заглушим, – быстро согласился Нехлюдин, – но есть у нас жук-древоточец, известный вам Злодеев. Достал всех в Интернете. Надо бы его отключить или заблокировать. Где его кнопка? Какая? Подумайте, девочки. А если найти ему бабу в посёлке без мужика? А если слух пустим о любовной связи? Почисте вакуумной бомбы рванёт. И в пух и прах разнесёт семью, дом, мамок, бабок вместе с детьми, да и соседей вовлечёт. Взрыв непрекращающегося действия. Пусть Злодеев собой занимается, а не нашими делами. Как думаешь, Мидорочка?

Мидора игриво положила ладошку под румянец щеки. Задумалась.

– Bravo, Боря! А знаешь кто? Есть одна. Из новеньких. Из тех, кто на собрания носа не кажет. Знать нас не желает. Высоко себя ставит.

– Кто? Кто? – оживились собутыльницы.

– Позади Цукаренко, с обратной стороны дом стоит. Дама вся такая из себя, типа «не трожь меня!» В синей куртке каждое воскресенье утром чешет в лес. Пава рыжеволосая! Инной Сергеевной, кажется, зовут. Злодеев – её любовник и есть!

– Пять баллов! – сказал Нехлюдин скромно, – целоваться не будем. Но за это выпьем!

Раздался хохот, а Мидорка добавила:

– Выпьем, други-подруги, чтоб наше было сверху, а у них, у врагов наших, ничего не было.

Все дружно чокнулись и застрекотали ножами и вилками.

***

Разобиженный Царёв вернулся домой и в раздражении прикрикнул на жену:

– Чего копаешься? Накрывай на стол быстрее. Проголодался, с морозу хряпнуть надо по рюмке.

– Сбавь обороты, а то хряпну скалкой по роже, сразу успокоишься, – не осталась в долгу жена. Её дородность была весомой добавкой к словам.

– Да ты что, Наташ, это я так, – стушевался Геннадий, зная характер супружницы.

За обедом, подвыпив, Царёв жаловался на жмота Чавесова, который не позвал его к столу. Жена отвечала:

– Куда ты лезешь, Гена? Кто Чавесов и кто ты? Чавесов – ого-го! Фигура. С самим Ельциным дружбу водил. А ты кто? Вчерашний прораб, а сегодня – совладелец туалетных кабинок на Солянке. Забудь, плюнь и разотри.

– При чём здесь это? В посёлке все равны.

– Дурак ты, Гена, хоть и мой муж. Каждый сверчок знай свой шесток. Это про тебя. Не лезь, куда не надо. Что у тебя, выпить-поесть нет? Всё у тебя есть. И жена-красавица. И люблю я тебя, дурачка. Посмотри на эту лахудру Мидору Пыжик. Напьётся и прямым ходом к Нехлюдину, если его жена в город уехала. Якобы решают важные вопросы. Какое имя – такая баба, сплошное недоразумение. Дебелая, сисястая и вульгарная – дальше некуда! И как только мужики к этой испитой морде в постель ложатся? Фу-у...

И действительно, права Наталья: у каждого в посёлке свои планы, свои устремления. Жизнь ли это? Кое-кто, вроде старика Цукаренко, просто радуется, доживая свой век в тиши. Что философам склоки и скандалы? А кто-то не может жить иначе, потому что он – советский борец-прогрессист, как тот же Ухватов, подстрекаемый Мидорой и Нехлюдиным; другой – реакционер, он – за подконтрольную ему тишину, за власть акулы над пескарями. Тебя заглатывают, а ты не смей трепыхаться ради спасения мира, не то выскочат клоны Чавесовых, Нехлюдиных, Карпухиных и заполнят собой всё пространство. Потому Наталья вразумляла своего мужа Геннадия, оберегая от новых насмешек судьбы, хватит фамилии Царёв для мужика с заурядной рязанской физиономией! Не то по его глупости утратишь хлебные туалеты на улицах Москвы.

Народ борется не за светлое будущее, а за реальное настоящее. Сила случая оказалась сильнее людей, сведя вместе в лесу, где некогда их предки распевали «Подмосковные вечера», а теперь потомки горланят такую «байду», какая не пишется пером, не вырубается топором. Она витает в воздухе, как осклизлый смог, и задыхается от неё человек, поминая только про конец света.

8

СТРАННЫЕ ГРАБИТЕЛИ

Было около четырёх утра, когда два шедших по дороге мужика в тёмных куртках внезапно свернули к дому Клавдии Андреевны. Лица скрыты капюшонами. Мужики легко перемахнули через ограду из железных прутьев с заострёнными пиками и растаяли в темноте. Хотя от каких глаз прятаться? Посёлок – в непробудных снах, и охрана даёт храпака в тёплых будках, и собаки смежили веки. Клавдия Андреевна – без собаки, – знать бы, где постелить соломки! Да и гости, видать, опытные и ловкие, если быстренько справились с колючками и кольями забора. Отжали хлипкую дверь веранды и оказались в тесном коридорчике, перед железной дверью с двумя замками. Вот если бы внутренний запор был, – тогда другое дело, его снаружи без шума не возьмёшь, надо автогеном резать, а навесной замок отмычкой открывается легко. У Прониных внутреннего запора нет. У Карпухина есть, у Нехлюдина есть, а Пронины живут, как в старые времена, когда входные двери в квартирах-хрущёвках ставили из фанеры. Да и что можно украсть из-за фанерной двери? Залётные без наводки не позарятся на «хрущёвку», а солидный вор в старое время знал не хуже, чем сейчас, где бриллианты и золотишко прячутся. Лет десять назад у Пуликовского со двора свели японский джип «тойота» на виду у всех. Пуликовские были в отпуске, престарелая тёща видела ребят, возившихся с машиной, и даже вышла к ним:

– Ребята, вы кто? Ремонтируете? Что так поздно?

– Михал Львович просил джип к техосмотру приготовить. Мы скоро заканчиваем.

– Так, может, чайку попьёте?

– Михал Львович просил вас не беспокоить. Отдыхайте, Вера Фёдоровна!

Наутро джип исчез со двора. Вскоре вернулся хозяин из отпуска, а что со старой женщины взять? Не смогла даже толком объяснить, что за ребята были. Видимо, без поселковых наводчиков не обошлось.

Но в том случае грабители вели себя открыто, нагло и даже с долей юмора. А к Прониным ночью полезли, не боясь хозяина, полковника в отставке, у которого в прикроватной тумбочке боевой пистолет.

Через четверть часа фигуры в капюшонах покинули дом Прониных незаметно и тихо, как проникли в него. А наутро бдительная хозяйка обнаружила грязные следы на полу. Ничего не украли. Даже её золотые украшения с бриллиантами из коробочки не взяли! Но что-то ведь искали? Зачем-то приходили? И самое страшное, что они с мужем не проснулись, не услышали! Сердце у Клавдии Андреевны чуть не остановилось: и убить могли! Она побежала наверх, в спальню, будить мужа.

– За пистолетом, Клава, приходили. Газом прыснули, это – точно. Забрали пистолет.

– Убить могли! – возопила женщина.

– Могли, но это им не было нужно. Поэтому и усыпили нас.

– Не нужно? Сегодня – не нужно, завтра – нужно. Что-то надо делать, Паша.

– Заявлю о пропаже. Решётки на окна поставим, дверь укрепим, замки солидные поставим, ну и охранную сигнализацию надо...

Клавдия Андреевна успокоилась. А пистолет через полгода случайно нашёлся в лесном озере – неподалёку. Подростки рыбу тралили, а вытащили нежданное железо. Полиция пистолет подхватила и... не вернула владельцу. Непонятно, то ли оружием попользовались и выбросили в воду, то ли украли, чтоб круг неприятностей обозначить. А вдруг кое-кто предупреждал Клавдию Андреевну, напугал? Операция против бывшей председательницы – серьёзное дело. И серьёзные люди должны маячить за такой акцией. Странные грабители.

9

«РЫЖАЯ БЕЛОЧКА, КИСТОЧКОЙ ХВОСТИК...»

Середина февраля. Солнце повернуло на весну. День стал длиннее, лица поливайловцев повеселели. Однако напряжённость из посёлка не ушла. Нехлюдин обратился к жителям с очередным письмом, в котором выражалась озабоченность: есть-де у нас «нехорошие» соседи, прямо рвущиеся сутяжничать в судах: все люди – бывшие, из-за спины Прониной. Видите ли, они оспаривают вердикт – решение суда о сносе трансформаторной подстанции.

А Клавдия Андреевна могла только жаловаться соседке:

– Мы построили трансформатор с подстанцией на арендованном участке земли. Как же так получается, что власти с нами договор аренды не расторгли, а землю продали Чавесову? Как он мог купить землю с расположенным на ней зданием, принадлежащим посёлку? Разве это не пример беспредела, смазанного коррупцией? Чинуши коррумпированы и наглы, суд коррумпирован, Чавес – его владелец и им правит!

Далеко видит, хотя низко сидит, там, куда её поместил Нехлюдин руками собрания.

– Страшно жить! – восклицала соседка, – в Москве вообще вывозят стариков из квартир и поселяют в бомжатниках в глубинке. И умирают бывшие защитники Родины от болезней, голода и пьянства. Ловкие люди новое кладбище соорудили. Рейдеры на крови платят им деньги за похороны сгноённых старух и стариков. В газетах читала, по телевизору видела, своим глазам не верю!

– Ты бы, Маша, поддержала Добродеева в Интернете. Он правильно ставит вопросы, – снизила тон Клавдия Андреевна.

– Прости, Клава, не могу. Эта банда на всё способна. Тебя твой муж защитит. А кто меня защитит в случае чего? Мой муж – полуслепой и не борец. Нет, уволь! Я согласна с тобой и поддерживаю тебя, но писать ничего не буду. А потом, эти Интернет-атаки морально переносить тяжело. Сумасшедших «пыжиков» у нас в посёлке не больше пяти человек. Я имею в виду Мидорку, маразматика-старика Ухватава, да эту, как её, ну, маленькую такую, со злым лицом и мелкими хищными зубами, «Кенгурой» её прозывают...

– Софью Барабанову?

– Во-во. Её. Ты почитай, какую эта троица грязь вылила на Добродеева в Интернете... За то, что осмелился спросить, почему Нехлюдин и его дружки не рассчитались с посёлком за коммуналку.

– Да, Машенька. Ты права. Стыдно читать, что пишут эти хабалки базарные, Мидора и Софья. А у старика Ухватава ум за разум, видимо, зашёл. Больной человек, жалко его. Всех их науськивает Нехлюдин.

Тут соседка захлопнула калитку и пошлёпала в дом. «Ничего от неё не дождёшься», – заключила Клавдия Андреевна.

И так большинство жителей посёлка. Боятся и не хотят связываться с Нехлюдиным, Карпухиным и самим Чавесовым, тоже кем-то приставленным к земле и местечковому лесу.

Не выдержала Пронина, вызвала на разговор Полторакова:

– Олег Сергеевич, почему вы поддерживаете Нехлюдина? Ладно, Карпухин, понятно. Он – сват Нехлюдина. Отсудят они у нас электричество в пользу Чавесова и всё, каюк. Нет посёлка. Все будем зависеть от Чавесова, который накинет процентов сто за трансформатор – себе в карман, и ничего не попишешь, – собственник, как его ещё обозвать?!

– Я против судебных тяжб между соседями. Надо с Чавесовым договариваться, а вы, Клавдия Андреевна, мешаете Борису Палычу. Не хотим по-хорошему, будет по-плохому...

От такой искренности его глаза выкатились, стекленея, щёки побелели, вот-вот удар хватит, Кондратий достанет, тогда скандалов и обвинений не оберёшься – угробят тебя саму!

Пронина поспешила домой.

Откуда знать ей, что Полтораков забрался в доверенные лица Чавесова? Полтораков – банкир, человек из тени, толкач всех противостояний в посёлке. Он дёргает за ниточки клоунов и не клоунов – кукольных артистов в концерте, заведённом из-за облаков могучей рукой олигарха из южной страны, где живут и не горюют наши бывшие соотечественники.

Не бедные люди в посёлке собрались, ой не бедные. У каждого из них свои тараканы в голове и свои скелеты в шкафу. Случайные соседи, чужие люди, и богатство здесь ни при чём.

От культуры людей – архитектура коттеджей Поливайлово. Их дома – их крепости, но с лицами их хозяев. Стоит дом, точь-в-точь копия с немецких бетонных башен времён войны – храма Барташевича, бывшего чекиста по прозвищу Пулька. Невдалеке – особняк Царёва, с причудливыми башенками, жалкое подражание кремлёвским постройкам. Худшее у Карпухина – кубик на кубик поставил. Запечатлели «погоняла» свою натуру в неуклюжих формах, прячущихся за заборами трёхметровой высоты.

Возвращаясь от Полторакова, Клавдия Андреевна всматриваясь в дома, вспоминала, как ещё недавно по улицам посёлка бегали бродячие собаки... Вдруг что-то ярко-рыжее мелькнуло среди стволов берёз, за оградкой детской площадки, мелькнуло и исчезло. Клавдия Андреевна насторожилась и, перейдя на другую сторону улицы, взгляделась в сплетение берёзовых ветвей. «Неужели белка?» Верно: среди веток прыгала белка. «Холод достал. Тянется к людям, чтобы накормили. Вот бы сделать кормушку для белочек! И для детишек была бы радость, и для белочек спасение. Да разве скупердяи сделают? Старик Ухватов в своё время отказался платить за обустройство детской площадки, а сейчас внуков водит как миленький на качели».

На её лице появилась улыбка, отражающая радость встречи с белочкой, но тут же погасла. Опять пришли тревожные мысли: старик Цукаренко сказал ужас что. Добродеев и Инна Сергеевна встречаются. Нехлюдин с Мидоркой уже и не скрывают свои встречи от людских глаз, но от Добродеева такого не ожидала.

Рыжая белочка, кисточкой хвостик,
В небе среди веток мелькнёт.

«Что-то мелькнёт, что-то покажется, что-то привидится...». Спасительная мысль для Клавдии Андреевны?

10

ПРОЦЕДУРНЫЙ ДУШ

Лет пять назад, как-то вечером, встретились случайно на море, в рыбном ресторане, Полтораков с Чавесовым, который к тому времени уже имел коттедж в Поливайлово. Полтораков спросил:

– Скажите, Апостиль Стефанович, зачем вам дом в Поливайлово? Там, наверно, шушера одна? С кем дружить, общаться? Я на Рублёвку хочу.

– Друзей новых уже поздно заводить. У меня есть дом на Рублёвке. И что хорошего? Всё время кто-то из знакомых норовит в гости явиться без спросу. А в Поливайлово меня никто близко не знает, я никого не знаю, да и знать не хочу. Я землю скупаю там. Тебе, Олег, могу сказать: Клондаик в тех краях намечается. Мы с тобой – не свояки, предлагаю купить недостроенный коттедж в Поливайлово. Родниться или дружить – не моё; человек ты – проверенный.

– Извините, Апостиль Стефанович, не совсем понятно ваше доверие. Знаем мы друг друга давно. Но зачем я вам в Поливайлово?

– Правильный вопрос. Надо сколотить группу соратников, взять управление посёлком, надо, чтоб они прожизвали тут. Я же не стану заниматься управлением! Нужна управленческая компания. Такая, чтоб взяла посёлок в руки и вывела его из кооператива. Там председателем одна упёртая баба, жена полковника в отставке.

– А в чём же интерес для меня?

– Скупай землю и в будущем бизнесе долю будешь иметь. Я туда пригласил пацана с Урала. Он там засветился, была нужда свалить куда-нибудь. Да ты, наверно, слыхал это имя? Его Карпом прозывают. Погоняло такое, если сказать языком этой братии. Производное имя от фамилии Карпухин.

– Из спортсменов. Карп Рваное Ухо? Он борьбой занимался, уши мятые и порванные.

– Ну! Давай, присоединяйся к Карпу. Он хитрый, изворотливый, но интеллект – не того. А мне хотелось бы в будущем бизнесе иметь тебя правой рукой. Встречаться будем редко, только по серьёзным делам. А Карп возьмёт на себя текучку. Он присмотрел в посёлке нормального болтуна, руками которого собрался управлять посёлком. Из политиков бывших. У нас что не политик, то болтун и клоун. Опасаться нужно неудавшихся политиков, но под контролем, почему бы не использовать их?

Вспоминая историю возобновления знакомства с Полтораковым, Чавесов прогуливался на своей личной делянке. Время летит. Не так давно беседовали с Олегом в Испании, и вот уже почти всё подготовлено. Убрали Клавдюху Пронину и поставили на её место Нехлюдина. Карпухин скупил землю у дороги. Для себя – в тылу посёлка. Карпухин и Нехлюдин отсудили трансформаторную подстанцию. Ерепенился неугомонная Пронина, вмешалась, от себя направила жалобу в судебную инстанцию, на верхотуру. Ничего не боится Капа. Прёт напролом. Даже ночные грабители не напугали её. Кремень, а не баба. Да ещё придурок Добродеев с Интернетом, как с бандурой, бегаёт, болван! Тень Пуликовского! Этот не высовывается – себе на уме. Пуликовскому и иже с ним противостоит целая команда: Банкир, Карп, Клоун. А у тех свои подручные: Мидора, Софья Кенгуру, Пулька, старик Ухватов, туалетный работник Царёв и ещё пара-другая имён. Что, не справятся с Капой Прониной да с этим долбаным генералом?!

Чавесов посмотрел в сторону нового участка за лесной дорогой. Надо бы начинать строительство, но рынок упал. На рынке сейчас не развернёшься. Кризис. А вот если эти места войдут в границы Москвы, тогда другое дело. А если Кремлёвская власть обоснуется, тогда посыплются немыслимые деньги. Ух! Аж дух захватывает! На такой расклад обговорил детали с чиновниками. Они – глаза и уши, он, Чавесов, – их руки с мозгами, чтоб управлять деньгами. Куда чиновникам деньги девать? На взятках нахапали и жить хотят, как надо. Иначе зачем деньги? «Давайте, родимые, шевелитесь! Принимайте решение, чтоб в Поливайлово, а не на других задворках Москва строилась», – думал Чавесов. Вдруг показалось, что кто-то рядом есть, и он испуганно оглянулся. Ворона! Не место ей тут! Расселась на ветке, наблюдает за ним, хитрюга, а не птица! Он схватил палку и швырнул, шипя и фыркая.

Не дружит Чавесов ни с кем. А с кем дружить? Было время, пересекался с Полтораковым, когда тот был вице-президентом банка «Цимус-Возрождение». Даже несколько интересных комбинаций провернули. Заработали денег и разошлись. А потом Полтораков с друзьями обанкротил банк и исчез надолго в края, недосыгаемых для ельцинской ментуры. Всплыл в Испании, где на «праведные» деньги прикупил неплохой особнячок вблизи Геркулесовых столбов. Пути-дорожки, даже кривые, сходятся, если случится нужда – у Чавесова у этих самых столбов вилла оказалась, местечко престижное.

Трансформаторная! Вот она, миленькая, стоит и ждёт своего часа. Всего-то на четвертинку занесло на его территорию, но этого оказалось достаточно, чтоб получить решение суда о сносе объекта! Зачем сносить? Переоформить надо на себя. Подозрителен Пуликовский. Генерал в отставке, а генералы нынче в фаворе. Ведь является членом какой-то правительственной комиссии. Может, ведёт свою игру? А этот Добродеев-пензионер вряд ли влиятельная фигура. Что с него взять? А наши идиоты запустили сплетню про Добродеева, некую даму приплели... Дурацкие фантазии Нехлюдина! «Не так надо действовать!» Чавесов спешно выхватил из кармана телефон: «Зайди, Олег, ко мне часиков в девять вечера. Сможешь?»

11

«МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ...»

Полтораков возвращался домой к полуночи. Было тихо. Окна не светились, – ставни. Мертвенная скука. Словно поместили в гроб по своей воле. Или все в Москву уехали и про тебя забыли? Под ногами поскрипывал

снег. Где-где, а тут чего не хватало – это нарваться на пьяную компанию или на промышленяющих хулиганов из соседней деревни. В городе – опасно, в лесу – того хуже: гулять по улицам средь ночи – извините меня! Где у нас охрана? Спят, как хрюки. Отгоняя нехорошие мысли, зачерпнул ладошкой рыхлого снега и потёр лицо. «Легко Чавесу давать команды, но нелегко их выполнять, а придётся – никуда не денешься. Чавес хочет, чтоб идея велась от Карпа. Надо Карпа подтолкнуть – пусть заведётся». Вдруг послышались женские пьяные голоса:

Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты...

Тут же завыла собака Цукаренко. То лает, то воет, а дуры поют!

Из-за поворота показались две дородные бабы.

– Олечка, давай к нам! – раздался крик, и та, что повыше, направилась к нему, пританцовывая, раскинув руки для объятия.

– Ба, Мидорка?! По какому поводу гуляем? Дарья здесь. А где же твой Игорь?

– Игорь в Москве ночует, а ко мне пришла Мидорочка, вот я её и угостила, – захохотала Дарья.

– Мидора, а твой Аркаша где?

– В командировке мой долговязый. Да чёрт с ним! Присоединяйся к нам, Олег! На троих чайку сообразим или что покрепче.

– Не-е, девки. Простите, не могу. Я уж позвонил маме Гале. Сказал, иду домой. В другой раз, когда ваши мужья будут дома, мы и погуляем. Лады?

Женщины поволоклись дальше, хохоча и пьяно повизгивая. И вдруг Мидора повернулась и загорланила скабрёзную частушку, из тех, что иногда поют в сёлах с переплясами, состязаясь, кто кого перепоёт:

Вышла замуж за хрена,
Оказался без ума.
На хрена мне без ума,
Если умных до хрена.
Э-э-э-их!

Сзади Полторакова залаяла собака и, обернувшись, он увидел старика Цукаренко с дворняжкой на поводке. Пёс рвался на орущих женщин, рычал и лаял. Цукаренко, укоризненно качая головой, кивнул в сторону Мидоры с Дарьей и покрутил у виска пальцем.

Полтораков сплюнул в сердцах. Сумасшедший посёлок. Сумасшедшие люди. Вот было времечко в Испании! Никаких забот. По вечерам собирались и выпивали, но всё благопристойно. Потому, что соседи – не эти мидоры да софьи, а другие – англичане, финны, шведы, одна украинская семья, русских несколько пар. «Нафига зарабатывать деньги, чтобы жить с разной шушерой, слушать, как горланят частушки, терпеть глупые разговоры? Да и вся эта многоходовая комбинация Чавеса – сомнительна. Можно потерять голову и денег не заработать. А если заработаешь, то зачем они потерянной голове?»

Полтораков ещё долго кружил вблизи дома, под прикрытием тёмных елей. Неба не видать – висела недвижимая облачная пелена, хоть вой по-собачьи или визжи по-бабьи. Кое-как попав ключом в мёрзлый замок, он тяжело поднялся на летнюю веранду, словно с гириями на ногах. В прихожую вышла жена Галя.

– Что с тобой, Олег? С Чавесом что-то не так?

– Да всё так. И всё не так. Посмотри, Галя, кто наши соседи? Пьянь, рвань, дрянь. Эта Мидора, чижик-пыжик, шалава из шалав: муж в Москву, а она уже пьяная по улицам распевает. Скоро распивать на троих будет.

– А мне-то как не хотелось сюда ехать! Бросили Испанию, и ради чего?

– Ради денег. А может, плюнуть на деньги? Нам того, что в банке, до конца жизни не потратить. Может, уедем в Испанию?

– Я с большим удовольствием. Но тебя, Олег, я знаю. Завтра проснёшься и забудешь этот разговор, опять побежишь по кругу. Давай спать, утро вечера мудренее.

12

«ЕЩЁ НЕМНОГО, ЕЩЁ ЧУТЬ-ЧУТЬ...»

Народ в Поливайлово не так прост, каким кажется. Для него Интернет-переписка – канализационная труба с посланиями. Есть такие, кто врубил опцию «спам», и все письма правления кооператива удаляются автоматом. Не видеть и не читать – ничего! Неплохое настроение. Как на зоне. Между нами, Поливайлово и есть зона! Специфическая. С призывами к дружбе в бригаде и с едкими упрёками в адрес тех, кто якобы науськивает и натравливает людей против вертухаев правления. В конце письма, как повелось, ссылка на проповедь апостола Матфея.

Рядом ответ Добродеева: «Господин Полтораков! Не поминайте Евангелие всуе!»

Разве услышит Полтораков? Он – под Чавесом. Кто остановит Карпухина? Он – под Нехлюдиным... Мидора, Софья Кенгуру, старик Ухватов, Пулька Барташевич? Они под кем? Что за болезнь такая: обличать, лаяться, врать? «Может, людей вирус бешенства поразил через компьютерные программы? – пошутил как-то Царёв. – Не читайте, иначе вирус бешенства и вас поразит. Не читайте! Я не пишу – не читаю, и хорош, как видите!»

Не спрятаться от помойки: Нехлюдин рассадил букеты комиссий при правлении, ходят активисты по домам и агитируют, обличают, разъясняют. Кому от букетов прёт гнилью. Кто-то ждёт аромат весенней сирени, а их, не церемонясь, обливают «шипром» с базара. Слухи опровергают. Нашли работу! Царёв – один из агитаторов. Отставной адмирал Борисов дал ему отпор:

– Гена Митрофанович, не буду я с тобой встречаться. Некогда мне. Да и не хочу я. Надоело всё. Что ты мне нового можешь сказать? Словесную грязь приносите в дом, потом хоть отца Владимира из церкви приглашай, чтобы молитвой очистил дом от вас.

– Какого Владимира? Вы что? Священникам верите? А ещё боевой адмирал! Хотя понятно, Пашка Пронин – полковник, вот вы друг за друга и держитесь.

– Гена, продолжай делать деньги на дерьме. Не трогай святых и людей тоже! – поставил точку адмирал.

Интеллигентная Варвара Ивановна, врач из престижной клиники, пыталась призвать в Интернете всех к единению, но нарвалась на такой мат Мидоры Пыжик и Софьи Барабановой, что зареклась связываться с ними.

«Варвара, хоть ты мне и соседка, но не пара. Ты поддерживаешь Капу. Сколько сунули тебе в лапу? Никто в посёлке тебе руки не подаст», – разослала электронное письмо Мидора, припудренное трёхслойным матом.

– Не обращай внимания, – успокаивал муж Варвару, – не отвечай, не реагируй, не связывайся. Софьи да мидоры привыкли с братками вопросы решать. Давай лучше на мюзикл «Звуки музыки» пойдём!

Не жалуют жители посёлка Интернет, а он обделывает свои делишки. Не отвечают, но кто сказал, что не читают?! Верят – не верят, осадок останется. Даже те, кто полагались на порядочность бывшего председателя Клавдии Андреевны, и те засомневались. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

На собрании академик Костюхин говорил:

– У нас декан Розман разворовал институт. Земли продал коммерсантам. Институт лишился научно-исследовательской базы, так как Розман на ней дом построил. Коммерсанты оплатили, а кому что докажешь?

– Юрий Александрович, побойтесь Бога! Где и что у нас воровать? – пытались урезонить старца, – у нас – земля и инфраструктура. И больше ничего. Но землю уворует Нехлюдин. Голосуйте за него и убедитесь.

Разрушать гораздо легче, чем строить. День за днём шайка-лейка Нехлюдина трудилась в Поливайлово, сея вражду и ненависть. Сколь требуется ума? Сейчас целые страны взрываются умелой пропагандой и деньгами. Для Поливайлово хватит двух-трёх пройдох.

– Главное, поливайте их помоями! Правда, неправда – какое это имеет значение? Важен результат. Так что, Мидора, действуй так и дальше, – шептал Нехлюдин поздним вечером пьяной подружке.

– Давай вместе в отпуск уедем, как всё уляжется. Летом. В Испанию?

– А почему в Испанию?

– У Полтораковых дом на берегу моря. Тебе уступят на пару недель.

Ты что, сдурела? К Полтораковым в Испанию ей захотелось! Тут же весь посёлок узнает. И твой муж – тоже. Тут же тебя Добродеев к стенке поставит. Кстати, какие успехи на этом фронте у нашего интернетчика? Почему не раскручивается тема его любовных шашней?

– Всё будет. Просто слухи медленнее ходят, чем...

– Чем – кто? Чем шрифт набирается?

– Чем ты – ко мне...

Нехлюдин долго смеялся находчивости Мидоры. Боевая подруга! Но вон что, оказывается, за прикидом таится! «Мы говорим партия – подразумеваем Ленин».

«Ещё немного, ещё чуть-чуть», – напевал он, уткнувшись в её груди с торчащими красными сосками, вскормленные в детстве на козьем молоке в глухом украинском селе Закарпатья.

– Щекотно, дурачок! – хихикала Мидора.

За полуночным окном завывала собака Цукаренко, соседа через два дома. Но тайный советник спал.

– Боря, Боря! Проснись! – стала тормошить Нехлюдина Мидора, – опять облезлый пёс Цукаренко воеет. Ой, не к добру это! В нашем селе мужики его бы сразу застрелили, чтоб отвести беду. А то, бывает, ещё курица петухом запоёт. Это вообще к пожару. А собака к беде воеет, говорят, к покойнику.

– Глупости говоришь. К беде? С нами беды не должно быть. А собаку отравим. Кинем кусок мяса во двор к Цукаренко, – пробормотал Нехлюдин, не просыпаясь.

«Вражеская сторона деморализована и почти готова к капитуляции», – решила Мидора.

13

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Под вечер, в воскресенье, таджик Эрадж и два его приятеля-дворника пили в бытовке чай. Отец Эраджа передал из Комсомолобада настоящий – зелёный. Конечно, и в Москве можно купить зелёный чай. Но хороший – рабочим не по карману, а дешёвый – ядохимикатами пахнет. Говорили по-таджикски. Дворники жаловались Эраджу, что при новом председателе очень тяжело работать в посёлке. Чуть что, кричит, хорошо, пока не дерётся. А рабочих из своего поместья может и побить, и зарплату удержать.

– Я больше не могу, – горячился Дальшот, парнишка чуть постарше Эраджа, – этот жирный баран резать надо.

– Тише, Дальшот! Как можно такое говорить?! Молиться надо. Ты не молишься, потому плохие слова говоришь, – со страхом полущёпотом убеждал пожилой таджик со звучным именем Мир.

– Этот вонючий курдюк всем надоел в посёлке. Он много говорит. Жадный. Своим рабочим зарплату снизил. И нам снизит. И фамилия его плохая. Я не могу его фамилию вслух говорить. Мой язык таких звуков не знает. Сатар сказал, что его фамилия «Не люди».

– До весны надо терпеть. А твой хозяин, Эрадж, хороший? – спросил Мир.

– Бабушка хорошая. Обедом кормит. Сосиски, картошка.

Таджики его зовут Эрадж, но русские прозвали Ромка. Ему нравится новое имя. Так бабушка Пелагея Михайловна его зовёт к обеду.

Ближе к полуночи Ромка отправился домой, в село Немоляево, где снимал комнатку за гроши и за помощь старой бабке по хозяйству.

Ему было страшно. Хмурилась в небе луна: выйдет из-за туч, глянет на землю и назад за тучу спрячется. Не нравится луне всё, что на земле, вот и прячется от глаз людских. «Как можно говорить, что в Душанбе и в Москве одна и та же луна по небу гуляет? У нас она весёлая и добрая, а здесь всем недовольная. Прячется за тучи. Разве у нас она прячется от людей? А может, боится чего? Конечно, боится! Такой шайтан, как этот «Не люди», может обидеть и луну. Сам видел, как он вечером стрелял в небо. Зачем стрелять, баранья башка?» – рассуждал Ромка, опасно косясь на деревья. Представил, как в него стреляет «Не люди», и он, раненый, падает и замерзает на снегу. Разве в Душанбе можно замёрзнуть в это время? Нет, а здесь не застрелят, так в снегу пропадёшь. И дома не узнают, что Эрадж замёрз. А в посёлке будут говорить: «Ромка-таджик замёрз». От этих мыслей стало ещё страшнее, и он пустился бежать по безлюдной тропинке. На шоссе не стал выходить, чтоб не попасться на глаза чужим. Через какое-то время Ромка заметил: мелькнули тени или фигуры. Он тут же отпрыгнул в снег, под разлапистую ель. И опять увидел, как по забору, словно кошка, метнулась тень, а потом – другая, исчезнув в лесу близ Поливайлово. Сколько ещё там, под забором, этих шайтанов? Бандиты убить могут и сдать на органы. Так думает Мир, когда таджики пропадают. Страшно! Куда деваться: здесь тени бандитов через забор лезут, там – участковый, в посёлке – злой «Не люди»?

Он успокоился, когда закрыл за собой дверь на крючок в старухиной комнатке. В углу стоял деревянный топчан с тюфяком, набитым соломой. Напротив, у стены – японский телевизор допотопной модели, подаренный бабушкой Пелагеей Михайловной. Он включил бледный телевизор, но тут же, хлопнув себя по лбу, запричитал по-русски: «Ай, Ромка-дурак! Зачем телевизор включать, бабушке звонить надо».

– Бабушка, ты не спать? – закричал в трубку.

– Ты что, Ромка, сдурел? Чего так поздно звонишь? Час ночи!

– Бабушка, ты дверь закрывать! Посмотри, бабушка!

– Да что с тобой? – всполошилась Пелагея Михайловна.

– Бабушка, Ромка видел, как через забор в лесу два плохих людей перелезала. Ромка шёл от друзей домой и видел. Посмотри запор, бабушка.

– Посмотрю. Спи, неугомонный, а завтра утром всё расскажешь.

Пелагея Михайловна вспомнила, как лет десять назад старый пудель Маркиз вскочил и с лаем бросился к двери. Разбудил и её старика. Сергей Трофимович кинулся за собакой, а дверь оказалась открытой настежь. Тогда Пелагея Михайловна видела грабителя через окно.

И ещё был случай, года три назад, когда Пелагея Михайловна, проснувшись, почувствовала что-то неладное. Одна была, но тихонько открыла дверь и увидела паренька, присевшего на корточки перед ящиком буфета, где она хранила несколько ассигнаций. Парень при свете фонаря не спеша проверял содержимое ящика. Аккуратно закрыв за собой дверь в спальню, Пелагея Михайловна хотела покрутить телефон и закричать: «Охрана, быстро сюда! В доме вор!» Какая охрана? Где? Чья?

Что или кто привиделся Ромке? Пелагея Михайловна долго маялась, прислушиваясь к каждому шороху в доме.

14

ПОЖАР СРЕДИ НОЧИ

Пелагея Михайловна спала – не спала, но что-то заставило её открыть глаза. В комнате было светло, свет падал в окно со стороны двора и был какой-то странно-тревожный: то вспыхивал, то затухал. «Да что же это такое? – прошептала и перекрестилась. – Кто же это свет в окно направляет? На фары похоже». Она встала с кровати и посмотрела в окно.

«Батюшки мои, соседи горят!» – и стала звонить по телефону в дом Пуликовского. Долго никто не отвечал, пока не послышался голос его тётки:

– Кто там? Чего среди ночи трезвоните?

– Зятя буди! Пожар! Баня горит!

– Где?

– Глухая тетеря! Пож-жа-ар! Зятя буди!

Вскоре хозяин дома выскочил с сыновьями, старшим Костей и младшим Женей, здоровыми ребятами, каждый – косяк сажень в плечах. Да разве вручную собьёшь пламя? Прыгнули из огнетушителя – без толку! Воду стали ведрами носить, но это – всё равно что из рюмки пламя заливать, – оно поднялось выше дома. Раскатали шланг, поливалку газонов. Огонь обрадовался тонкой водяной струйке и пуще того запрыгал, зашипел и стал искрами стрелять в людей и в добродеевский сарай.

Пелагея Михайловна с ужасом наблюдала из окна за происходящим, крестилась и молилась. Только и оставалось на Бога уповать. Читала «Отче наш», молитвы и просила Бога, чтоб сарайчик уберёг.

Прибежали соседи: шустрый Павел Пронин кинулся на крышу сарайчика и стал затаптывать искры, а головешки сбрасывать на землю; Пуликовский отобрал у кого-то шланг и направил воду на сарайчик Добродеева, призывая зевак:

– Мужики, не стойте! Беритесь за дело! Бане уже не поможешь.

– Пожарная машина подъехала! – крикнул кто-то.

Пожарники раскатали шланг и направили тугую струю воды на огонь. Поднялся клубок пара с густым чёрным дымом, засвистело, зашипело огнедышащее чудовище и постепенно присмирело. Мужики стояли вокруг пепелища, чумазые, переговариваясь друг с другом о причинах пожара:

– Баню, наверно, топили с вечера и недоглядели. Много ли надо, чтобы огню на сухом дереве разгуляться?

– Говорят, не топили баню.

– Тогда электропроводка заискрила.

– Не должно быть, в прошлом году я лично поднял баньку. Всё – новое, – сказал Пуликовский, – соседи, спасибо, что откликнулись, помогли. Хоть сарайчик Добродеева спасли, и то хорошо. Прошу всех в дом. Костя уже ящик водки привёз, и закуска найдётся. Баню не вернуть, а отметить это дело не грех.

– Чего отмечать? Сгоревшую баню? – проворчала Лидия, – приглашай людей в до, завтракать после трудов.

У жены корни украинские, у неё всегда своё мнение.

Серая картина невзрачного утра: истоптанный снег, покрытый гарью и головешками, чадящие остатки бани. Через дорогу – мужчина в трусах до колен и в белой футболке навыпуск стоит на балконе дома, протирая глаза.

У Кости на щеках разводы сажи, в глазах пучки искр. Пронин толкнул его в бок:

– Видать, Палыч с большого бодуна. Стоит полуголый на балконе и в ус не дует.

– У нас на Украине в таких случаях говорят: «А дурному шо?!»

Мужики скрылись в доме, и Пелагея Михайловна отошла от окна. Тревога за свой сарайчик сошла, хотя бани соседской тоже жаль. «Хорошо, что никто не пострадал. Видать, к счастью, в бане никого не было. Но отчего же пожар пошёл? Он ведь всегда от людей начинается...» – подумала она и стала молиться перед иконой Божьей Матери с младенцем.

А за окном выла собака Цукаренко, только она знала поджигателя в лицо.

15

ЕСТЬ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ...

Инна Сергеевна живёт в посёлке Поливайлово обособленно, не замечая ничего вокруг. Ни правых, ни неправых. Кто прав, тот – не лев. Чтобы в этом разобраться, нужно вникать в бесконечные разоблачения, читать послания в Интернете, а у Инны Сергеевны нет времени, да и ни к чему ей эта возня. Рано утром она уезжает из посёлка на работу и возвращается поздно вечером. Неважно, где она работает. В труде – её материальная независимость, уважение некоего количества людей. Для женщины пикантного возраста, красивой, гордой и одинокой, это немало. «Скала, неприступная крепость!» – считают мужчины-коллеги. «Монстр в юбке! Ходячая маска!» – шепчутся женщины в офисе. Подруг нет. После того, как лет десять назад одна из подруг увела у неё мужа, Инна Сергеевна сказала себе, подражая героине из фильма, что подруг следует уничтожить как класс. Есть, правда, институтская подружка Настя, но, скорее всего, потому и сохранилась дружба, что Настя уже давно живёт в Лондоне. В тридцать с гаком вышла замуж за вдового богатого русского бизнесмена Луговца, лет на тридцать старше её.

Через месяц Настиному мужу – восемьдесят. Восемьдесят лет и зим – страшно подумать! Но это как посмотреть! Иной мужчина и в пятьдесят выглядит глубоким стариком, изношенным и истрёпанным. Другого мужика неискоренимая лень превратила в безликое диванное существо с вечной газеткой в руках, бесконечными ночными походами в туалет. А Анатолий – сухопарый и стройный, с благородной сединой в светлых волосах, необычно подвижный. Да, такой мужик фору даст любому молодому.

Настя как-то похвасталась подруге:

– Несмотря на возраст, Толя ненасытный на женские ласки.

– Ой ли? – подзадорила Инна Сергеевна.

– Да ты что, не веришь? Толя такой сильный. Он и на лыжах с любой горы скатится, хотя впервые встал на горные лыжи в семьдесят лет. И в море заплывает далеко, не меньше часа плавает, в бассейн ходит зимой три раза в неделю, а на работу идёт по утрам все пять километров. Пешком! Водитель рядом едет или ждёт у офиса.

– И не курит, и не пьёт, чужих женщин не... берёт, – съехидничала Инна Сергеевна.

– А тут, милочка моя, ты не совсем права. Не курит – это точно. С молодости. А вот вино хорошее пьёт с удовольствием и знает толк в вине. А насчёт походов налево... Мог бы, конечно. Но тут есть один маленький секрет, который мне одна мудрая женщина когда-то открыла. Мужу никогда нельзя отказывать. Ласки своего мужчины нужно принимать с радостью и восторгом. И тогда он твой навеки и надолго останется настоящим мужчиной.

– Ну ты, подруга, прямо лекцию прочитала. Тебе я верю.

Сказала как сказала, хотя не поверила. С того разговора прошло лет десять, была встреча юбилейная, и вот пришло приглашение от Насти и Анатолия приехать в Лондон на празднование очередного юбилея. «Что тут праздновать? – подумала Инна Сергеевна, – мне через несколько лет полтинник стукнет, и страшно даже представить, как я буду праздновать. А ему восемьдесят! И – ничего. Наверно, и теперь будет шутить искромётно над собой и своим возрастом?»

Пять лет назад она, получив приглашение, приехала в Лондон. Поселилась в гостинице, несмотря на просьбу Насти остановиться в их просторном особняке. Не хотелось смущать ни подругу с мужем, ни себя. Да

и хотелось отдохнуть, подольше поспать, не быть обязанной идти на завтрак, следить за этикетом. Приехала пораньше – до юбилея.

В тот же день Настя посетила её в гостинице. Сидели в кафе.

– Инна, ты такая красивая, и до сих пор одна. Неужели никого нет? Не поверю.

– Были попытки. Пару раз. Один глупым и скучным оказался до противности. А вначале так ухаживал, цветы приносил, подарками одаривал. Замуж звал. Слава Богу, замуж сразу не пошла. Испытательный срок ему назначила. Стал жить у меня. Поверишь – нет, но через месяц я этого зануду переносить не могла. Я думала вначале, что, может быть, в таком виде является с возрастом новая любовь, а оказалось новое несчастье. Не могу я так: не любить и терпеть.

– А второй?

– Со вторым полгода назад рассталась. Молодой совсем. На двадцать лет моложе. И налево ходить – его любимое хобби. Коллекционер.

И всё. Разговор исчерпан. Дружба не старела, но всё больше напоминала старую даму из английских романов, страдающую от безделья.

А время летит пулей. Пять лет не виделись. Как теперь Настя? Анатолий? Инна Сергеевна не смогла бы отказаться от приглашения подруги. И засобиралась в Лондон.

Чтоб не толкаться в потоке машин, она вырулила из Москвы ближе к полуночи. На обочине у Одинцова стояли две женщины с тремя детьми и махали руками. Никто не останавливался. Совсем ещё кроха, девочка, приложив руку к сердцу, кланялась, как старушка в церкви. Инна Сергеевна никогда не брала попутчиков в салон, но, поддавшись обаянию маленькой артистки, остановилась:

– Женщина, миленькая, подвезите нас до Жаворонков. Были в гостях у сестры, а тут муж позвонил. Заболел. А дети стали умолять: «Поехали к папке, поехали к папке». Вот и собрались, на ночь глядя. Думаю, может, найдётся добрая душа и подвезёт? – стала объяснять молодая женщина.

– Тётя, возьмите нас, – попросил мальчик.

– Куда же? Вы все не поместитесь, – не отказала, но и не пригласила Инна Сергеевна.

Сторонняя женщина зачастила:

– А я не еду, не еду я. Сестра я. Катя гостила у меня с детишками.

Инна Сергеевна не пожалела, что подобрала страждущих. Дети всю дорогу пели песни. Особенно запомнилась песня о службе в Храме:

Дети на клиросе –
Ангелы Божии, –
Свечи в руках.
Пламя колышется,
Лики пригожие,
Вера в глазах.

Одна из девочек тянула высоким и тонким голоском мелодию, а мальчик и девочка поменьше ей подпевали.
– Светулечка, Вася, Любана! Хватит. Не шумите в машине, не мешайте тётё. Отец наш в церкви служит, вот и научил разным песням.

– Да разве такое пение может помешать? – отвечала Инна Сергеевна.

Она заехала в Жаворонки, высадила семью у изъеденного жуками деревянного домика, среди таких же убогих строений. Долго не могла успокоиться. «Вот это и есть, наверно, счастье. Слушать малышей, заботиться о них. Что может быть лучше в жизни женщины? Деньги, драгоценности, любовники – мишура, которая уйдёт и забудется. А пение детей никогда не забудется».

Она подумала о своей дочери, которая устроилась в престижную западную фирму и занята на работе с утра до вечера. «И я вкалываю с утра до вечера. Редко с дочерью общаемся». «Извини, мама, – отвечала обыкновенно дочь из Парижа, – у нас график с тобой не совпадает. Разница в три часа по времени. Когда я могу позвонить, ты спишь. Когда у тебя антракт – я на работе. В отпуске наговоримся, мамуля».

На въезде в Поливайлово её остановил охранник:

«У нас проблема с канализацией. Стоки забыты. Нехлюдин приказал предупредить всех, чтобы поменьше и реже пользовались туалетами, пока не отремонтируют канализацию». Что тут скажешь? Хамит правление? Намекает: ройте яму для уборной?

Это тяжкий крест платных услуг с согласованием норм на человека и платежей, платежей. Вымогатели, а не элитный посёлок Поливайлово с богатыми хозяевами роскошных особняков; половина живёт за границей, а правленцы сами себе льготы придумали. И шантажируют других канализацией. Под Жаворонками живут

иначе: в деревянном невзрачном домике весело обитает семейство священнослужителя с детьми, поющими духовные песни. Живут – не тужат.

С этими мыслями она уснула. Во сне увидела женщину с младенцем на руках, стоящую во Храме. Глаза женщины, устремлённые в сторону иконостаса, лучились светом доброты и радости. Время от времени женщина крестилась и подносила к губам висевший на шее крестик. «Неужели это я стою в Храме с младенцем?» – подумала Инна Сергеевна во сне, но звуки становились тише и тише, лик женщины с младенцем стал расплываться, пока не угас.

16

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Через неделю после пожара издох пёс Цукаренко. Старый пёс с вечера лаял, беспокоя соседей, а утром нашли его околевшим. Почему издох? Отчего банька сгорела? Пелагея Михайловна запретила Ромке рассказывать о том, что он видел накануне пожара:

– Может, тебе показалось, дурья твоя башка? Не болтай!

– Моя видел. Моя – не баранья башка. Моя испугался и бежал.

– Видел – не видел, кому докажешь? А начнут тебя таскать и допрашивать. Разберутся, что регистрация у тебя липовая. Депортируют. Тебе надо это?

– Не надо, бабушка. Для таджика хорошо, чтобы русский и таджик были вместе. Говорят, что Путин сказал, так будет.

– Эка, хватил куда! Старого не вернуть. Это – всё равно что я завтра девушкой стану. Скажи лучше, откуда ты взял, что собака Цукаренко околела?

– Не болела собака, бабушка, а помер. Таджики говорят: отравили. Мыло на губах выступать. Всегда так, когда собака отравили.

– Когда ты научишься по-русски нормально говорить, басурман непонятливый? Пена, наверно, на морде выступила, а не мыло.

Пелагея Михайловна дала Ромке пирогов и ещё раз посоветовала помалкивать.

Ромка заулыбался и побежал в сарайчик, переодеваться в робу. У него появился большой секрет: в сельском магазине он встретил девушку из соседнего посёлка и познакомился с ней. Девушка приехала из Чувашии в гости к родственникам. Он представил, как в следующее воскресенье поедет к девушке на автобусе и будет с ней гулять. А может, в кино пойдут.

С крыши сарайчика капала вода, таял снег. Конец февраля, а солнце уже пригревает. Красногрудые птицы неуклюже ходили по снегу среди деревьев, выискивая корм. Взлетела с дерева сорока и, громко застрекотав, полетела куда-то. «Весна приближается, несмотря на снег и жуткий мороз», – Ромка с азартом молодости принялся счищать с дорожек ночной снег.

17

ПУЛИКОВСКИЙ И ДОБРОДЕЕВ

На Масленицу Пуликовские устроили в лесу, позади дома, праздник. Горел костёр. Внучки, две чумазые девочки, Лиза и Маша, в пуховиках барахтались в снегу, опасливо поглядывая на костёр, стреляющий искрами.

Михаил Львович в военном бушлате и валенках восседал на пеньке и с удовольствием посматривал на своё семейство: на сыновей, двух невесток, двух внучек и жену. Лида печёт блины, сыновья бутылки открывают и в рюмки наливают, у невесток закуски словно из рукава берутся.

– У тебя, Михал Львович, полный ажур. Сидишь себе баринком, а вокруг все вертятся. Точно цыганский барон, – похвалил приятеля Добродеев.

А Пуликовский и впрямь похож на цыгана, лицом смуглый, с тёмными глазами. Подбежала трёхлетняя Лиза и давай тормошить деда за рукав бушлата:

– У дедушки нет никакого ажур. Правда, дедушка? Какой такой ажур?

– Ажур – это порядок. У нас порядок, как на флоте. Скажи, Лиза, кого ты больше любишь? Бабушку или блины с вареньем?

– И бабушку, и блины, – улыбнулась шустренькая Лиза.

– Три года. Видишь, какая хитрюшка стала? А раньше отвечала, что блины больше любит.

Дальше разговор пошёл о сгоревшей бане. Добродеев спросил потише, чтоб не слышали со стороны:

– Разобрался, отчего пожар случился?

– А что тут разбираться? Ясное дело. Подожгли.

– Уверен?

– Уверен – не уверен, что гадать? Гореть начинало снаружи, а не изнутри. Баню вечером не топили. Спалили – честное партийное.

– Уму непостижимо. Сжечь баню? А если бы люди там были?

– А что им люди – не люди! Важно другое: второе предупреждение.

Выпили по рюмке. Закусили блинами и салом – прямо с костерка, на прутиках.

– Думаешь, эти? – Добродеев кивнул головой в сторону дома через дорогу.

– Может, эти, может, ещё кто-нибудь. Не докажешь.

– Но ведь ты, Михал Львович, вне баталий. Не высовываешься. Не споришь. В Интернет-переписке не участвуешь. Чем ты им помешал? И почему второе предупреждение? Что, было первое?

– Для меня это тоже загадка, почему на меня ополчились. Не падал я тогда с крыльца. Помнишь, ты ещё, услышав грохот, выбежал с кочергой в руке? Кто-то поленом меня огрел в темноте. Шапка спасла.

– Тебя хотели убить, а ты пошёл потом париться в бане? Странно.

– Я сразу не понял. Думал, что сам упал. На какое-то мгновение сознание потерял. Это на следующий день сообразил. Утром полено увидел на снегу.

– А как же Рекс? Он ведь не лаял даже. Значит, знакомый кто-то? – всполошился Добродеев.

– Рекс – собака большая, но не собачьей доброты. За кусок колбасы любой хлыщ его друг.

– Отравить могли Рекса, как у Цукаренко пса отравили.

– И отравят. И нас могут потравить или пострелять. Такое впечатление, что сумасшедшие в посёлке живут.

– Бандиты провинциальные, их почерк.

Добродееву вспомнилось украинское сельцо, в котором он родился и до семнадцати лет проживал. Вспомнил сельские гулянья на Масленицу. Всем селом гуляли. Чучело Масленицы сжигали под весёлым хохот и танцы. Вспомнил девочку соседскую, на два года моложе, Мидорой звали, как эту непутёвую из Поливайлово. Нравилась девчонка ему, но разъехались после школы: он – в лётное училище, а девчонка – к тёте в Казахстан, на целину. Так судьба больше и не свела их. Добрая девчонка и смешливая такая. Где она? Как жизнь Мидорки Зелинской сложилась? А эта Мидора Пыжик только имя поганит. Откуда в провинциальной среде завелись бандиты?

Он прикрыл глаза и вспомнил село своего детства, темнеющий далеко лес, покрытые снегом поля с чёрными проплешинами. На юге весна раньше начинается, чем в Москве. Мужики в селе рассудительные, никаких ссор не было. Бабы могли поцапаться из-за межи на огороде или по другой бытовой причине, но ожесточенья-то, ожесточенья не было. А здесь собрались богатые со скудной совестью. Отдельно взятый особняк больше стоит, чем все хатки в его селе Красиловка. Да и его поместье немаленькое! Увидели бы сельчане, то-то удивились бы! Ещё в перестроечные годы снял деньги со сберкнижки, взял большой кредит под гарантию соседа, купил землю в Подмосковье и тут же начал строиться. Потом деньги обесценились в десятки раз, и он легко рассчитался с кредитами. Повезло немислимо! Но обанкротился застройщик. Всё-таки за несколько лет достроил дом. И в бизнесе всё наладилось. Неужели и он, Добродеев, тоже изменился в худшую сторону? С возрастом он усвоил одно житейское правило: обманули тебя, а ты прости. Прости и забудь. В другой раз тебе воздастся сторицей. Но очень непросто следовать этому правилу. Вот и сейчас оказался по другую сторону от этих «нелюдей» из Зауралья и Поморья. Говорил же Пуликовский, предупреждал. А он доказывает правду. Разве нелюдям докажешь? Тогда почему на голову Пуликовского свалились несчастья? Почему его, Добродеева, не трогают? Где зацепки?

Его рассуждения прервал Пуликовский:

– Интернет просматриваешь, Корней Иванович?

– В последнее время отошел. Надоело всё.

– Невестка говорит, что сплетню про тебя запустили, якобы ты по вечерам уходишь из дому не на прогулку, а ныряешь к рыжеволосой красавице Инне Сергеевне.

Добродеев ошарашенно уставился на Пуликовского. Как такое возможно? Нехлюдовцы прочитали его тайные мысли? Но даже в мыслях не забежал к Инне Сергеевне.

– Сплетня и есть сплетня. Я с ней даже ни разу не разговаривал.

– Ну-ну. А женщина красивая и, видать, гордая. Глаза миндалевидные чего стоят! Жалко, что и её эти нелюди очернили. Хотя к таким королевам грязь не пристаёт.

– Да я... это...

– Что-то ты юлить начинаешь, Корней Иванович! Смотри, если это правда, то знать тебя как соседа не хочу. У меня – благородное семейство: жена, дети, невестки, внучки... А тут такое... Нехорошо!

Добродеев резко встал и, не отвечая генералу, отправился домой. Но ещё долго, прохаживаясь во дворе, пытался успокоиться. Ладно те – сплетники, но Пуликовский! Боевой генерал! В Афганистане воевал, а туда же. Моралист домостроевский! Сапог кирзовый!

Вспомнив, что генерал отметил миндалевидные глаза Инны Сергеевны, Добродеев весело захохотал и пошёл в дом.

18

ВИЗИТ В ЛОНДОН

Прошло полчаса с тех пор, как самолёт вылетел в Лондон. Инна Сергеевна смотрела на проплывающие за иллюминатором облака и мечтательно улыбалась. Мерно гудит двигатель. Что-то говорит сидящий рядом молодежавый мужчина. Стюардесса задает вопросы об ужине. И она отвечает машинально: «Ужин? Нет, не буду. Спасибо». Многоярусные редкие облака разбросаны по небу до самого горизонта, словно белые острова. А если присмотреться и чуть-чуть пофантазировать, то в облаках можно увидеть причудливые замки, огромных птиц и даже тени людей. Вон далёкое облачко сероватого окраса – в нём просматривается мужской профиль. А то облачко похоже на бегущую овцу. А вон ещё одно, плывёт навстречу, словно птица с длинным и вытянутым клювом. Ух, какой огромный журавль!

У неё прекрасное настроение. Представила, как она будет гулять с Настей и Анатолием по Лондону, вспомнила парк, на зелёном газоне которого они нежились в лучах весеннего солнца. Да и по магазинам с Настей походят, в кафешке посидят, а может, и в пабе. Нет, в пабе вряд ли. Если только вместе с Анатолием?

Её мечтанья прервал сосед с благородной русой шевелюрой:

– Облаками любуетесь?

Окинув его коротким взглядом, она кивнула.

– А хотите, я почитаю вам стихи? Про облака. Можно? Пожалуйста!

– Читайте, – улыбнулась она вежливее обычного, хотя ни слушать, ни разговаривать ей не хотелось.

– Спасибо. Надеюсь, что вам понравится.

И он начал, почти шепча, читать, без декламации, словно рассказывал ей свою историю:

Если долго смотришь в небо
На узоры облаков,
То увидеть можешь небыль,
Лики разных чудаков;
Вон лохматый, бородатый
И немножко грозный дед, –
Миг – и будто бы лопатой
Соскребли дедули след.

– А дальше не помню, – посетовал сосед, сожалея.

Замечательно. Я только что рассматривала лики разных чудаков, – сказала Инна Сергеевна с ударением на последних словах, – ваши стихи?

– Что вы! В журнале «Поэзия» читал. А кто автор – не помню.

Даниил Степанович оказался интересным и тактичным собеседником. Говорили о разных разностях, как это обычно бывает, когда случайно встречаются незнакомые люди и вынуждены какое-то время проводить вместе. А если люди симпатизируют друг другу, то время проходит незаметно. В Хитроу, получив багаж, попутчик вручил ей визитку с надеждой, что и она даст ему свой телефон.

– Извините, Даниил Степанович, мои визитки в чемодане, – слукавила Инна Сергеевна.

Не глянув в его визитку, сунула в кармашек.

– Прошу позвонить мне в Москве. Я возвращаюсь домой через неделю.

Она не любила продолжения случайных знакомств, в самолёте ли, в поезде или в туристическом автобусе. Встретились, поговорили, разошлись. Никто никому и ничем не обязан. Обещать встречу? Нет, увольте, зачем?

Но встреча с дипломатом, как восприняла Инна Сергеевна попутчика, не затерялась в череде событий: то nepotребство скандалов в Поливайлово, то пертурбации с открытием нового офиса компании в Сибири и вот ещё – свадьба дочери на осень. И вот – Даниил Степанович вдруг. Всё в один роман ли, в историю! У дочери любовь с коллегой-французом, приедет с женихом в гости. А уж знакомство с родителями жениха – ещё страница романа для одиноких женщин. Радостно и печально. Радостно за дочь и печально от мыслей, что лучшие годы позади, а ничего такого в жизни и не было. Не было любви, той, из книжек. И где вообще эта любовь бродит? Она ужаснулась своим мыслям: кто поверит, что она, взрослая и серьёзная женщина, как юная девушка, тайно мечтает о любви? Вспомнила, как известная в прошлом оперная дива в свои семьдесят пять рассуждала по телевизору о вечной влюбленности в партнёров, в окружающих мужчин. «Я с этим чувством живу всю жизнь, – убеждала певица, – невозможно петь о любви, не испытывая к партнёру чувства влюблённости. Но любовь – это другое. Любовь – хрупкая сущность, которая проникает в душу. Любовь ни с чем сравнить невозможно». Надо же? В семьдесят пять лет женщина с восторгом говорит о любви. А она на тридцать лет моложе певицы и закрыла эту тему для себя. «Дочь выйдет замуж, и, глядишь, через несколько лет я стану бабушкой».

Инна Сергеевна искала в карманах визитку Даниила Степановича, но не обнаружила её. Иногда она прятала визитки важных для неё знакомых в потаённый карман сумочки, но и там визитки не обнаружилось. «Значит, обронила, когда доставала платочек. Так тому и быть», – без сожаления подумала она, дав себе слово больше не вспоминать о попутчике-дипломате.

В честь юбилея Анатолия был устроен замечательный приём в ресторане «Continental». Гости съехались отовсюду – из уголков и центров России, и из сопредельных территорий. Даже пожаловал опальный олигарх, низенький и лысоватый, замечательно танцующий «семь-сорок» с юной фигуристкой, шатенкой. И Инна Сергеевна с удовольствием танцевала, растворяясь душой в этом празднике искромётного веселья и шуток. Много доброго говорили в адрес Анатолия. К её удивлению, прозвучало поздравление в зарифмованной форме из Москвы от Михаила Пуликовского:

...Шалом! Привет! Друг Анатолий,
Ты свой в Каире и в Анголе,
В Одессе, Лондоне и Ницце...
И всюду леди, леди, леди
С загаром цвета стали-меди, –
Имён прелестных вереницы.
Вильнёт бедром, поманит бюстом,
И нет следа коварной грусти,
Да... погулял же ты в Одессе –
Фонтанки пляж, пляж Лонжерона,
Слышны из прошлой жизни звоны,
Где ты, профессор, слыл повесой...

– Настя, так я знаю Пуликовского. Он живёт в посёлке Поливайлово. Баня у него недавно сгорела, – шепнула она подружке.

– Михаил Львович – старинный друг Толи. Не смог приехать.

– А что это за леди? С загаром цвета меди?

– Толя покупает и продаёт морские суда. А в английском языке морское судно называют «леди», – засмеялась Настя.

Оркестр «Шалом» заиграл знаменитую мелодию, и зазвучала старая песня – рассказ о любви:

Любовь нечаянно нагрянет,
Когда её совсем не ждёшь.
И каждый вечер снова станет
Так удивительно хорош...

Передав свою спутницу Анатолию, её пригласил на танец олигарх. Наши олигархи – в основном люди из прошлого коммунистического мира. И любят всё прошлое, поскольку своими корнями и тысячами разных нитей они связаны с этим прошлым, и даже скучают по старой и привычной жизни, когда они были молоды и ещё здоровы. Из

печати известно, что этот немолодой уже человек был номенклатурным работником в ЦК «грядущих светлых лет». Как-то ей пришлось побывать в загородном доме у одного банкира, в гостях у которого был человек по имени Ралф. Ралф когда-то был Гришей Рабиновичем и работал грузчиком в Одесском порту. Она тогда не поверила, чтоб человек по фамилии Рабинович работал грузчиком. Но Ралф, догадываясь о её сомнениях, засмеялся и сказал:

– Вы не поверите, но я имел на судах свой гешефт. В перестройку эмигрировал не в пустоту: в Гамбурге меня ждал личный счёт в банке и кругленькая сумма в немецких марках. При совдепах умные люди жили неплохо.

– А сейчас вам хорошо в новой России? – спросила она.

– Я всем доволен. Имею большие квоты на вылов минтая в дальневосточных морях. Офис в Гонконге. Проживаю в Австралии, но думаю купить квартиру в Москве. Ностальгия, знаете ли, по прошлому, с видом на Кремль.

И Ралф рассказал, что радовался как ребёнок купленной на Арбате писаной маслом картине. На картине был изображён кусочек прошлой советской жизни: в зелёной авоське бутылка водки, кирпич чёрного хлеба, селёдка в промасленной бумаге и газета «Правда».

– Эта картина висит в моём гонконгском кабинете на самом почётном месте. В красном углу. А называется она... Вот-вот! Называется «Ностальгия», – с самолюбованием восторгался Ралф. У него было всё, но ему для счастья не хватало прошлой жизни, – с чёрным хлебом, водкой и ржавой селёдкой.

«А счастлив ли этот маленький человек? Судя по прессе, он миллиардер, всё в порядке. А счастье и любовь у него есть?» – думала Инна Сергеевна, танцую с олигархом.

– Инка, ты его очаровала! Он на тебя глаз положил, – после танца шептала за столом Настя.

– Совершенно неинтересный мужчина. Я во время танца думала, счастлив ли он при таких деньгах, любит ли его женщина? Та шатенка, например, что с ним пришла?

– Вряд ли он любит кого-нибудь. Он просто берёт, что ему нужно. За деньги. Ты разве не узнала шатенку? Она носит звание «Мисс Вселенная». Самая известная невеста в России, – Настя прошептала на ушко Инне Сергеевне ещё что-то и расхохоталась. «Круг лиц – филиал московского бомонда. Он, как шляпа, сидит на голове князьков из Поливайлово», – подумала она.

И ей захотелось понять: кто среди них Даниил Степанович? Он – другой?

Неделя в Лондоне пролетела как один день. Однажды, когда сидели в парке на скамейке, Настя спросила:

– Инна, ты где сейчас? Скажи, кто-то появился?

– Нет, – кротко бросила подруга.

– Совсем-совсем никого у тебя? Не может быть! Мы с тобой не писанные красавицы, но... Ты, Инна, чертовски привлекательна. Мужики не могут на тебя не западать. Фигурка стройная, а твои миндалевые, нараспашку, глаза легко с ума могут свести любого мужчину. Может, здесь какой Толин друг понравится тебе?

– Спасибо, подруга! Сосед в самолёте попался. Очень обходительный, кажется, я ему понравилась. Но вряд ли смогу полюбить. Так уже было со мной.

– Замуж иди, а там и любовь появится.

– Может быть. Не знаю, не уверена.

Шла посадка в самолёт – Инна Сергеевна опять сидела у иллюминатора. «Почему я не дала ему визитку?» – вдруг подумала и разозлилась: сколь можно? Как у девочки! Одна мысль: о встрече!

За иллюминатором – пасмурная погода. Ещё вчера улицы Лондона заливал яркий до рези свет, а сегодня – взвесь влаги; воздух тяжёл – и на душе тяжело. Неприглядное небо, затянутое плотными тучами; деловые лица – не за кого глазу зацепиться...

– Моё место в этом ряду? – спрашивал у стюардессы мужчина.

По голосу Инна Сергеевна узнала сразу – Даниил Степанович!

– Даниил Степанович! Неужели так бывает?

– Самый приятный сюрприз в моей жизни. Здравствуйте, дорогая Инна Сергеевна! Поверьте, это – случай. Счастливый случай. Хотя в случайности я не верю. Видимо, так угодно небесам, чтоб мы опять встретились.

Самолёт взлетел, пронзив пелену низких туч. И опять было светлое небо, и за стеклом иллюминатора плыли прекрасные белые облака, в которых угадывались лики разных чудачков. «Здравствуй, и, если навсегда, то здравствуй навсегда!» – не сказано никаким ни поэтом, ни прозаиком.

СКАНДАЛЫ, НО НЕ ТОЛЬКО...

Пока Добродеев предполагал, Нехлюдин в должности председателя располагал, остро чувствуя вкус власти: с утра, похоже, с женскими ароматами от кутюрье, в полдень власть пропитана кавказской кухней, ну а ввечеру – с сыроватым запахом крови забитого кабана эта власть. Раньше Нехлюдин говорил много и бестолково, теперь, приобщённый к сфере избранных, он держался чопорнее и говорил, как канцелярский писарчук. Стал позволять себе даже покрикивать на соратников, не допуская, чтоб власть возвеличивала и быстро портила людей: дров наломать – нате вам, себя развратить – запросто, мир вокруг испоганить и растащить по конурам – сколь стоит? Разлом оформляется обыкновенно на заседаниях.

– По-моему, Борис Павлович возомнил себя Наполеоном, – склоняясь к уху Карпухина, пошутил бывший чекист Богдан Барташевич, – хотя уж точно ростом и пузом перещеголял оного.

– Да, Боря перегибает палку. Многие могут от него отвернуться.

– Наше правление становится спектаклем одного актёра. Что-то делать будем?

А что делать? Понесло Нехлюдина. Обнаружив, что Барташевич как член ревизионной комиссии подписал, не согласовав с ним, документ, Нехлюдин возмутился:

– Богдан, ты зачем акт подписал? Почему мне не показал? Что, так и не сработаемся? Кто в лес, кто по дрова?

И нарвался на резкую отповедь соратника:

– Ты что? Считаешь, что ревизионная комиссия должна с тобой акты согласовывать? Прочитай акт, распишись и верни копию. У тебя, Палыч, замашки слишком крутые! Ты стал превращаться в Капу.

В Капу? Это уже слишком унижительно! Нехлюдин скрипел зубами.

– Ревизионная комиссия проверяет работу правления и его председателя, а не наоборот, – подставил грудь Владимир Макаров.

В ответ правленцы и приглашённые неправленцы стали кричать, перебивая друг друга:

– Пошёл вон отсюда! Козёл! – вскочил из-за стола Полтораков.

– Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала! – заорал старик Ухватов, бледнея, как прокопчённый сигаретным дымом потолок красного уголка.

– Макаров, не тебе учить нас! – выплеснул своё кипение наружу Нехлюдин.

– Вы, Макаров, теперь не член правления, ваша власть – в прошлом. Откуда у вас столько дерьма, чтоб поливать Бориса Павловича? – распалилась Мидора.

– Надо гнать Макарова из ревизоров, – мило улыбаясь, подлила масла в огонь Софья Барабанова.

– Макаров, где ты раньше был, почему Капу не проверял? – фальцетом выкрикнул Царёв.

Владимир Витальевич улыбался, спокойно смотрел на соседей по посёлку. Элита! Идиоты, шваль! Когда шум немного утих, Макаров пояснил:

– Пронину мы проверяли тщательно. Нарушений не было. Замечания были, но, в отличие от вас, она реагировала на замечания адекватно. Кроме того, она защищала интересы посёлка в суде, а вы, господин Нехлюдин, отказываетесь жалобу подать на несправедное решение суда в пользу Чавесова. Такое впечатление, что вы работаете на Чавесова, а не на наш посёлок.

Нехлюдин, Полтораков, Карпужин, Мидора, Барабанова вскочили на задние лапы, словно сто чертей. Бог мой! Макаров вспомнил. Так было на задворках Реутово. Когда из-за гаражей рвалась свора собак с лаем на него, два крупных пса смело кинулись в атаку, цепляясь клыками за голень, за рукав, особенно пугала маленькая сучка с обвисшим выменем: стояла рядом с гаражами и рычала, скаля мелкие жёлтые зубки, клочья пены падали на снег. Хозяин любовался выводком, стоял и молчал с ухмылкой. «Конец, если сука кинется», – молнией пронзило Макарова. Брызжащая слюной Софья Кенгуру, с перекошенным злобой лицом, напомнила ему ту самую, рычащую, готовую кинуться вперёд... Что за баба? Как с ней спать в кровати? Или она, как все, отыгрывает роль при председателе, она – за стабильность, чтоб под креслом хозяина стояла гробовая тишина, образина порядка в воровской малине. Собачья свора из Реутово, поджав хвосты, ретировалась под гаражи, подчиняясь его громкому командному окрику, а сейчас?

Тут настала минута истерики. На круг выскочил Карпужин:

– Макаров, тебе на зоне уготована роль петуха!

Ответный укол шпагой настиг его тотчас:

– Поделись опытом, петушок, поправь сбитый гребешок!

Из-за стола встал Нехлюдин и, упав театрально на колени, начал причитать, глаза его закатились, плечи задрожали. Он был готов вот-вот забиться в конвульсиях:

– Простите нас, Владимир Витальевич, за то, что мы оказались недостойны вашей милости. Немытые, коростюю покрытые! Живём, работаем, посёлку честно служим...

И этот ёрнический выпад Макаров осадил:

– Прекратите истерику, Нехлюдин! Теперь понятно, почему вас за глаза прозывают Клоуном!

Обстановку разрядил председатель ревизионной комиссии Пуликовский:

– Бедлам. Работать невозможно. Я ухожу.

И в самом деле – ушёл, не хлопнув дверью.

А был Пуликовский в расстроенных чувствах. Мог бы воздержаться! Потому что ничего нового не происходит в решениях далеко не совершенного мира. Есть те, кто живут, работают и радуются жизни, а есть те, кто смотрят на окружающий мир через узкую щель боевого танка, направляя пушку на соседей. Кучка негодяев манипулирует недалёкими людишками, навязывая свою волю всему посёлку. И никаких сдерживающих ограничений, цель – получить куш. «С негодяями надо бороться жёстко», – думал генерал.

В детском городке шумела малышня. Под приглядом мамуль, с визгом скатываясь кто на санках, кто на разноцветных досках. «А мы в детстве на картонках и фанерках скатывались», – позавидовал малышам Пуликовский.

– Юрка, дай разок скатиться на санках! – крикнул он соседскому пацану.

– А взрослые не катаются, – заулыбался малыш.

– А давай вместе скатимся!

Среди малышни от сердца отлегло. К всеобщей радости ребятни и женщин, он катался под крики и визг с горки: и раз, и два, и три. Вернулся домой с радостным настроением, словно освежился в чистом водоёме после пыльной работы.

20

В ИНТЕРНЕТЕ ЕСТЬ ПОЧТИ ВСЁ, КРОМЕ...

О Карпухине ничего в Интернете не открылось. Накопалась кое-какая информация едва ли не на всех фигурантов, слюнявящих Нехлюдина поцелуями при встрече. На Нехлюдине зависла зашибись какая странная частушка, сочинённая злопыхателем из северных губерний:

Он на четверть губернатор,
И почти что бизнесмен...
Мастер чёрного отката,
Клоунадный супермен.
Ложь – сейчас его орудье,
Слепо, глухо правосудье.
Он в мечтах – удельный князь,
Грянет ливень, смочит грязь.
Не испить синице в море,
Не смутить словами Боря.
Говорить он сам мастак,
Хохотун и здоровяк.

Иные люди ради рекламы запускают слухи о себе, один нелепее другого. Женятся, разводятся, нагишом по городу ходят, меняют сексуальную ориентацию и вытворяют другие сумасбродства. Кто удивится, если окажется, что Нехлюдин сам про себя сочинил частушку?

Нашлось кое-что о разорении Полтораковым банка «Цимус-Возрождение», также о его связях с Чавесом.

Бесполезно проковырявшись часа два в Интернете, Добродеев понял, что с Карпухиным ничего не выйдет. Карпухиных было много, но почти все – благородные люди: поэт, директор школы, учёный. Тогда Добродеев начал переставлять буквы в фамилии и нашёл в сети «Одноклассники» кое-что очень интересное. На сайте киевского композитора Валерия Карпухинского – комментарии Терезы Вилянкой! «Валерик, браво! Твои песни – супер! Я всегда знала, что ты будешь первым среди первых! Помнишь наши встречи? Андреевский спуск? Твоя песня: «Звёзды нам в глаза смотрели, месяц рогом нас цеплял. На скамейке мы сидели, я тебя поцеловал». Тереза Вилянская». Вот это сюрприз! Собственную жену обнаружил в Интернете, правда, под девичьей фамилией. К электронной почте жены Добродеев не имел доступа, но теперь он не сомневался, что

она находится в переписке со школьным другом Валериком. Не странное ли дело, это открытие не вызвало у него никаких отрицательных эмоций. Дружит и дружит. Её дело.

Но другое послание заинтересовало его гораздо больше. Некий Виль Бриль из Екатеринбурга написал в шутку: «Карпин! Карп Рваное Ухо! Отзовись!»

«А вдруг Карпухин и Карпин – одно и то же лицо? Чего на свете не бывает? – думал Добродеев, – паспорт поменял? Нет, не может быть. Жена, дочь. Всем не поменяешь паспорта». Имя и отчество совпадают, и уши мято-рваные, и кличка Карп. Карпухин мог выдавать себя за Карпина. Нужно проверить через связи Пуликовского, что за фрукт этот Карпухин, известный на Урале, как Карпин и Карп Рваное Ухо», – решил Добродеев. Машинально набрал в Google фамилию Пуликовский. Нашёл нескольких Пуликовских. Известный генерал в отставке, сосед Михаил Львович, он же – член правительственной комиссии по... неважно, какой части. Нашёлся Пуликовский, бизнесмен из Екатеринбурга, Константин Александрович. «А вдруг это зацепка?» – Добродеев позвонил генералу:

– Михал Львович, разговор есть... Встретимся?

– Подходи. Тут Костя приехал.

– Какой Костя? Старший сын?

– О, даёшь! Ты знаешь другого Костю Пуликовского?

– Да есть один... В Екатеринбурге проживает. Бизнесмен, Константин Александрович. Не родственник? Я в Интернете раскопал.

– Вот это да! Дядя по отцовской линии где-то затерялся на Урале. Ещё при жизни отец вспоминал о нём. Всё приговаривал «Вот Сашка вернётся с Урала, гульнём на славу». Не дождался, помер. Отца уже лет сорок нет.

– В Интернете указан адрес фирмы Константина Пуликовского и – электронная почта. Пусть твои ребята спишутся. Вдруг родственник твой?

Не прошло и часа, а генерал опять, выйдя на крыльцо, кричал соседу:

– Ну Добродеев! Ну молодец! Оправдал фамилию.

– Что случилось?

– Костя Пуликовский с Урала! Так это брат мой двоюродный. Приходи, обмоем радость. С меня причитается.

Вместе рассматривали полученную по Интернету фотографию здорового мужика, с рыжей шевелюрой и... нисколько не похожего на Пуликовских. Но Михаил Львович пообщался с ним по телефону, и всё совпало: они – двоюродные братья.

– Михаил Львович, позвони, узнай, ведь Карпухин с Урала. А в Интернете мелькнул какой-то Карпин по кличке Карп Рваное Ухо. Кто знает, может, один и тот же человек? Может, брат что подскажет?

Позвонили на Урал.

– Мы тогда не нашли эту сволочь, – доложил брат, – исчез. Испарился. Всё вроде бы сходится. Это – Карп Рваное Ухо! Действительно, мятые и рваные уши. Остерегайся его, Миша. Фамилия у нас одна. Если этот гад заподозрит тебя как моего родственника, то ни перед чем не остановится, чтобы я до него не добрался.

– Приезжай, Костя. Может, не тот человек?

– Всё может быть. Но я улетаю завтра в Китай. Через месяц вернусь. Сейчас ничего не нужно предпринимать. Спугнём, и – ищи-свищи негодяя. Хотя не уйдёт уже. Семья, бизнес, связи. Он у вас, похоже, крепко осел.

Пуликовский долго молчал, а потом расстроено обмолвился:

– Видимо, нападение на меня и пожар были заказаны. Избавиться хотели от меня.

– Так, в полицию надо. Чего ждать? – горячился Добродеев.

– Ничего не докажем. Спугнём. Брат просил дожидаться его возвращения из Китая. А вдруг ошибаемся? Всякое бывает. Но остерегаться надо.

После разговора Добродеев долго гулял во дворе по периметру забора, раздумывая о новых и тревожных обстоятельствах. Пахло весенней сыростью, как это бывает, когда днём обильно греет солнце и тает снег, а ночью подмораживает. На газоне образовались рыжие проплешины, присели кучи снега вокруг дорожки, которые зимой набросал таджик Ромка. «Скоро, скоро снег сойдёт, зазеленеет трава, вернутся скворцы, и заживём по-новому», – думал он, не понимая, откуда у него это настроение предвкушения весенней новизны.

ВРЕМЯ СМУТНОЕ

Недавно, на Масленицу, пьяная Мидорка упала в сугроб и уснула. Охрана обнаружила торчащие из сугроба Мидоркины ноги и вытащила несчастную, а что дальше? Охранник, старший смены, позвонил по памяти председательнице:

– Клавдия Андреевна, подскажите, что делать? Пыжикову в снегу нашли. Пьяная, лыка не вяжет. Звоним мужу, а он тоже пьяный. А если что отморозила? И Нехлюдин на звонки не отвечает.

– Срочно вызывайте скорую помощь. Спасайте женщину! Это – главное.

– Мать-героиню, депутата, члена кооператива, члена правления! – бурчал охранник, поднимая Мидору из сугроба.

И нажил злейшего врага – не бурчи! – но то было потом.

В нехлюдинской бане два свата пьют пиво, закусывают карпом экстра-качества и корректируют дальнейшие планы. Время идёт, но в посёлке – блажь, ничего дельного не происходит. Не началась стройка карпухинских домов, не угомонилась Капа. Зато прошёл слух, будто не Макаров, а Пуликовский накатал нехороший акт ревизионной комиссии. И Богдан Барташевич не дюже бездействовал: ни нашим, ни вашим? От Богдана такой подлянки Нехлюдин не ожидал. Богдан – свой в доску, из кожи вон лез, чтоб Капу скovyрнуть, а здесь неожиданно принял сторону Пуликовского. В лучшие времена Мидорка говорила, что нельзя Барташевичу доверять, так нет, не поверил бабе, думал, – женские фантазии. Откуда у Мидорки недоверие к Богдану? Ведь Пыжиковы и Барташевичи ездили прошлым летом вместе отдыхать в Ниццу. Там Богдан и Аркадий разругались вдрызг. Что они не поделили в Ницце? Может, Мидорку? У тошей жёнки Богдана бюст почти отсутствует, хотя и молодая, а у Мидорки одна сиська в двух ладонях не вмещается. Наградил Бог прелестями бабу, Богдан присмотрелся и позарился. А теперь к Нехлюдину ревнует? Не слепой бывший чекист, всё вычислил. И тогда понятно, почему акт Пуликовского подписал задним числом после скандала в красном уголке.

От недобрых мыслей Нехлюдин стукнул кулаком по столу.

– Ты чего, Боря? Чего стучишь? – подал голос Карпухин.

– Да вспомнил Капу и всех этих идиотов. А тут ещё Барташевич стал с Пуликовским в одну дуду дудеть. Видал такие узбекские или гуцульские дудки? В руках не удержать. Так вот, вдвоём – два военных сапога, дудя в общую дуду, надеются меня достать. Чем, идиоты? Руки заняты, а мозгов нет – остаётся дуть и надувать щёки.

– Боря, установи доску объявлений побольше на перекрёстке, возле дома Ухватова, красочно оформи и вывешивай короткие листовки. Нет интересных фактов – надо их придумывать. Возьмись за Пуликовского. Напиши, что не рассчитался за подключение бани и бассейна к газу, электричеству. Рассчитался – не рассчитался, не тут собака зарыта. Пусть доказывает, что не рыжий. Пусть к нему внимание людей будет приковано, а не к тебе, – поучал Карпухин, прихлёбывая из бутылки пиво.

– Да, ты, сват, стратег! Что это нам даст?

– Мути воду, Борис! Не зря поговорка существует на этот счёт. В мутной водичке будем нашу рыбку ловить.

– Тут ты прав, Игорёк. Как бывший политик скажу: главное в борьбе – результат. Ты же бывший спортсмен, сам знаешь. И неважно, каким способом мы добиваемся успеха. В спорте тоже есть различные приёмы и приёмчики, например, толчёного стекла подсыпать в лыжные ботинки, накапать в чай слабительного, чтоб понос перед схваткой пробрал, слухи вредные пустить. Но врать надо умеючи, чтоб за рукав не схватили. Мой бывший шеф в одной северной губернии говаривал помощникам: «Создавайте события сами. Не полагайтесь на волю случая». И все понимали, что это означает. Нам с тобой бороться против неплательщиков за газ, за электричество мелко. Да я и сам не заплатил пару сот тысяч, и ты должен посёлку более двух миллионов. Нам не хватает масштабного события, такого, чтобы все ахнули. Чтоб все поняли, что виновата пронинская власть. Чтобы раз и навсегда закрыть рты этой шатии-братии. Злодеев-то – тюфяк, а какую бабу отхватил?

– Это – виртуальная баба, только имя настоящее: Инна Сергеевна. Мидоркина работа. Как ты просил. Помнишь? – Карпухин прошептал что-то на ухо Нехлюдину.

– Нифига! Я – не я, и Мидорка не моя!

– Сват, мы с тобой – свояки. Чавесу мы на час нужны. Попутчики. Да и выкрутится Чавес, а Пуликовскому и этой тёлке-корове не поздоровится. Пусть бодаются.

– Опасно это. Ты сам говорил. И кто сделает?

– Думать надо.

В тот же день, к вечеру Карпухин сел за руль, и – в Москву, но Минское шоссе не хуже других – попал под «мерседес» известной Клюквы – блондинки с ТВ, – и загремел наш Карпухин в больницу, исчез из посёлка. Откуда известно? Нет ничего тайного, что не становится явным, особенно в наш век Интернета.

Через неделю Чавесов позвал к себе Полторакова:

– Олег Сергеевич, где Карпухин? На телефонные звонки не отвечает. Говорят, после аварии лечится. Какая, с кем авария, на кого наехал?

– Дарья отвечает, позвоночник повредил. На него дама наехала. Стерва блондинистая.

– Так, с аварией что? Случайность? Или подстроено?

– Неясно. Дарья ничего не знает. Но не больно горюет.

– Но в какой больнице Карп, она знает? Прошу навестить его. Узнайте, что случилось! На днях должны утвердить изменение границ Москвы. Надеюсь на успех.

Полтораков ушёл от Чавесова подавленным. Апостиль Стефанович скрытничает, Нехлюдин своими дуростями порядком надоел, а Карпухин, похоже, в собственную игру играет. Из какой пены возьмётся обещанный Чавесом Клондайк? Земли скупили много, а будет ли толк? При таком шуме большой бизнес тощает донельзя, а тут – горит баня, дохнут собаки, ночами бродят пьяные бабы и орут дурацкие песни. Мелко как-то всё, очень мелко. И это странное исчезновение Карпа. Может, почуял что и слинял? Плебеи!

От невесёлых мыслей разболелась голова, но надо было ещё разговаривать с Дарьей, узнать, где её Игорёк лечится. И Полтораков нажал кнопку звонка на калитке дома Карпухиных.

Дверь открыл сам Карпухин.

22

ЕСЛИ НАЧИНАЕТСЯ ШТОРМ...

Карпухин обрадовался:

– О-о-о! Привет, Олег! Входи. Только что хотел звонить тебе.

– Карп! Ты – пенсионер у нас, что ли? Вдруг дома спрятался. Что за хрень? Тебя Чавес разыскивает.

– Пошли в каминную. Всё объясню.

Полтораков с удивлением слушал историю Карпухина. Действительно, он попал в аварию на пути в Москву: белокурая бестия подрезала его «мерседес» и, чтоб избежать столкновения, Карпухин резко затормозил; теряя управление, машина юзом въехала на встречную, а с неё – в телеграфный столб.

– А бестия? Может, спровоцировала аварию?

– Поехала дальше. Даже не остановилась. Хорошо, что встречный «МАЗ» со щёбёнкой притормозил. Иначе раздавил бы мой «мерседес» вместе с его хозяином, как мокрицу. Водитель МАЗа – человек. Он вызвал полицию и скорую помощь. Ты не веришь? Машина в ремонте. Можешь убедиться. Да и оформлено всё, ведь машина застрахована.

– Не верить не приходится. Но почему молчал? Почему не звонил?

– А что говорить? Дарья передала, что я в аварию попал, и – в больнице. Сами не догадались навестить? Ни ты, ни Боря? Никто не приехал. Ладно, Чавес – босс с огромными заморочками...

– Какие заморочки? Что ты плетёшь?

– Ты что, не знаешь? В Пенсионном фонде аресты прошли. Деньги воровали. Там человек семь участвовали. Ты действительно ничего не слышал или прикидываешься? По телевизору сообщали. Я раньше срока сбежал из больницы. Хрен его знает, с какого боку Чавес при делах.

Полтораков застыл в тревожном оцепенении. Никаких мыслей не было. Вот тебе и бизнес завели! Скорее, на бизнес развели! Как дальше будет? А если Чавеса арестуют? Нет, он не из тех, кто так просто подставляется. Не выдержал и воскликнул:

– А с Чавесом как? А если его арестуют?

– Наивный ты человек! Арестовать Чавеса – это всё равно что арестовать китов и мастодонтов девяностых годов. Кто допустит? Хотя освободить от должности могут. По-тихому выведут из-под удара.

– А мы-то как? Слушай, Карп! Ты оказался слишком умным. Это подозрительно. Не теряешь самообладания?

– Во-первых, я спортсмен. Во-вторых, не в такие переделки попадал. И ничего. Живой, как видишь. В-третьих, надо любую ситуацию использовать. Может, для нас с тобой всё к лучшему?

– А как же с границами Москвы? Будет здесь Москва или нет?

– Кто тебе сейчас скажет? К разборкам в Пенсионном фонде это отношения не имеет. Может, вообще Чавес блефовал. Мы ему нужны. Это – первое. Электричество посёлка ему нужно. Это – второе. Здесь наши цели совпадают.

– Карп, а чего ты разоткровенничался со мной? Меня ведь Чавес послал с тобой поговорить.

– И что? Я тебя против Чавеса настраиваю? Нет. Но думать надо, как нам вместе дальше жить и деньги заколачивать. Завтра Чавес слиняет за бугор. Может слинять. Но мы здесь всё равно нужны ему.

Полтораков удивлялся. Когда-то Чавес сказал, что у Карпа интеллекта маловато. Может, и так, но хитрости – предостаточно. И логика в его рассуждениях есть. *На кого сейчас ставить?* Если начинается шторм, а лодка одна, то всем нужно спастись вместе. В любом случае, слабого выбросят за борт. Кто сейчас слабый, Чавес или Карп? Карп излучает уверенность, а Чавес нуждается в Карпе. И почему Чавес ничего не сказал об арестах в Пенсионном фонде?

Договорились, что будут действовать сообща. Полтораков немедленно нажал клавишу Чавесова и, прикрывая телефон ладонью, передал, что Карпухин вернулся домой, был в больнице.

Полторакова одолевали тревожные мысли: Карп неожиданно оказался для него большой загадкой. Неизвестно, кто в посёлке управляет всеми процессами. Явно – не Нехлюдин, простоват и болтлив чрезмерно. Карп претендует на роль вожака стаи. Не странно ли? Кто Чавес? И кто Карп? Жизнь закручивает такие загогулины, что сегодня ты – Карп, а завтра – Чавес и наоборот: шевели мозгами, пока не закупорились кальцием. Какой тут секрет? Когда-то на свежую башку рискнул, воспользовавшись ситуацией в банке «Цимус-Возрождение», и оказался при больших деньгах.

Дул промозглый северо-западный ветер. Верхушки деревьев угрожающе раскачивались. На дороге лежал поваленный старый дуб – ствол мешал проезду машин. Два таджика разделяли его бензопилой. Полтораков минут десять наблюдал за их работой. «Может, сотню лет этот великан стоял здесь? Сам вырос, или его посадил и вырастил когда-то Иван Поливайло, первый поселенец в этой местности? И что осталось от былой мощи? Ветки да дрова. Сгорев в камине, дрова превратятся в кучку золы. И кто вспомнит о красавце-дубе? Так и люди. Копышишься, бежишь куда-то. Смысл в движении, а не в результате», – думал он, тыча ногтем в цифирь телефона.

23

ТАДЖИК РОМКА, ДЕВУШКА ТОНЯ И ОКОЛЕВШАЯ СОБАКА

Наступило долгожданное воскресенье. Ромка поспешил управиться с домашними делами пораньше, ведь после обеда у него свидание с Тоней, девушкой из Чувашии. А дел много. Убраться в комнатушке, постирать робу, выгладить брюки. И бабушке Вере надо помочь. У неё два сына, но помощи от них никакой. Старший – в городе, не любит приезжать в посёлок, а младший вечно пьяный и всегда канючит деньги на водку. Ромка не понимает, почему они пьют много водки, а напившись, ругаются и дерутся? Как можно у старой бабушки просить деньги на бутылку? Ромка помогает маме и сестрёнке, высылая деньги в Душанбе. Папа тоже просит денег, у него теперь две жены: мама и молодая жена Юлия, у которой братик родился. Ромка улыбнулся, вспомнив, как хозяин Добродеев всегда шутит, спрашивая, когда он женится. Как можно жениться, когда у Ромки нет денег? И девушки нет. Нет, нет, сейчас у Ромки девушка есть. У него первое свидание. Красивая девушка, маленькая с чёрной косой. А глаза голубые. У таджикских девушек таких красивых глаз не бывает.

– Ромка, собираешься куда? – заглянула в комнату бабушка Вера, – неужели на свидание? Не забудь воды принести.

– Бабушка, я всё сделаю. Ромка после обеда пойдёт гулять.

– Иди, иди, милый! А то опять под вечер явится мой младший, непутёвый. Опять будет шуметь. У вас, у таджиков, водку не пьют?

– Пьют, бабушка, и травку курят. Здесь больше пьют, у нас больше травку курят.

– А ты, Ромка, не пей и не кури.

Бабушка Вера часто спрашивает Ромку, как люди живут в посёлке Поливайлово. Ромка не знает, что сказать. В посёлке много богатых. Разве они расскажут, как живут? Но таджики всё видят, слышат. Есть хорошие хозяева, которые не обижают таджиков и деньги всегда дают за работу. Но много плохих людей. В гости друг к дружке не ходят. Плов вместе не едят. Не любят соседей. И пьяные есть. Ромка видел двух пьяных женщин. И плохие люди есть, очень плохие. Нехлюдин поздно вечером бросил кость собаке

Цукаренко. А утром собака валялась дохлой. Мир учил никому не рассказывать, что видел, иначе докажут, что таджики собаку отравили.

Ромке жалко старика Цукаренко, который утром заплакал, увидев собаку с вытянутыми лапами.

В окно кто-то постучал, и Ромка увидел встревоженное лицо таджика Мира, который знаками вызывал его на улицу.

24

ДОБРОДЕЕВ

Совесть и любовь – несовместимые понятия. Разве можно любить по совести? Но и без совести не проживёшь, обязательно где-нибудь споткнёшься и улетишь под откос. Раз улетишь, два улетишь, и если не одумаешься, то окажешься в глубокой пропасти, откуда не выбраться. Где баланс между совестью и любовью? Любовь ведь не терпит компромисса. Или любишь, или не любишь. И ничего другого не дано. А если любишь, то не можешь отступить в сторону от любви своей, иначе это – предательство. Предательство по отношению к самому себе, к душе своей и к своей любви... Добродеев вспомнил романс, созвучный своим мыслям:

Люблю ли я? Не знаю, право.

Возможно да, возможно нет...

А ведь ничего не было, и ничего не известно. Даже не встречались ни разу, не поговорили. Но тянет его и тянет к этой женщине. И совестно, и стыдно. Совестно перед женой Терезой, стыдно смотреть в глаза Пелагее Михайловне. Даже перед Пуликовским чуть со стыда сквозь землю не провалился, когда тот давеча сказал о сплетне, гуляющей в Интернете. Сплетня и есть сплетня, а такое чувство, словно поймали тебя за руку, вытащили голеньким на свет Божий, и вот стоишь ты перед людьми, и всё видно им, и всё понятно, и слышат они твои самые потаённые мысли, которые и себе-то боялся доверить. Не было ничего, а в мыслях много чего было. Каждый вечер проходит мимо дома Инны Сергеевны под предлогом прогулок, а сам всматривается в её окна. Светятся, значит, она читает книгу, смотрит телевизор или просто слушает музыку, сидя в кресле. Последнюю неделю окна смотрят на вечерний мир тёмными глазницами, как будто ослепли. Где она? Может, дошла сплетня и съехала из посёлка навсегда? Или самому продать дом и съехать из посёлка, чтобы не видеть, не думать, не мучиться и не сверять свои запретные мысли с совестью. Ведь, кроме его тайного чувства, есть ещё жена Тереза, их дети – сын и дочь, тёща Пелагея Михайловна с её всепонимающим взглядом. Неужели вычислила, догадалась о его переживаниях? Откуда? Он повода не давал. Интернета тёща не понимает. Скорее всего, до Терезы сплетня могла дойти, но та и виду не подаёт, а наоборот – весёлая-развесёлая, словно радуется чему-то.

Добродеев вернулся с вечерней прогулки, пряча глаза от Терезы, словно нашкодивший кот. Слава Богу, Пелагея Михайловна уже отдыхает, и не надо опасаться её всевидящего ока. Но тут подала голос Тереза:

– Добродеев, я тебя жду, чтоб поговорить с глазу на глаз. Когда ещё придётся?

Внутри всё оборвалось, и он подумал: «Вот и пришла пора» – а вслух сказал:

– Конечно! Давай поговорим.

Помолчав, Тереза тихим голосом сказала:

– Я хочу, чтоб ты меня завтра проводил в Домодедово. Улетаю в Киев.

– На сколько? – ответил машинально.

– Как придётся. Может, навсегда. Я уезжаю к Валерию Карпинскому. Однокашнику.

– Композитору?

– Так ты знал? Мама, добрая душа, пожалела тебя? То-то, смотрю, ты в последнее время не в себе.

Вот оно – освобождение от мук, от угрызений совести и много ещё от чего. И вместе с тем – опустошение, ощущение рухнувшей жизни, острой жалости к себе, к Терезе. Считаю, почти полжизни вместе, и вот – водораздел, разделительная черта между прошлым и будущим. Прошлое – понятное и прекрасное. Ему не в чем упрекнуть ни себя, ни Терезу: начиналось всё по любви, продолжалось по совести и заканчивается по обоюдному согласию. И впереди – неизвестное будущее, в котором уже они не вместе, а каждый сам по себе.

Проговорили почти до утра, Тереза даже всплакнула.

– Добродеев, мама не хочет в Киев ехать. Что будем делать? – сказала под утро, жалея его, одинокого и какого-то неприкаянного.

– Я буду рад, если Пелагея Михайловна останется здесь.

Что-то обговорили, о чём-то умолчали, а на следующий день после обеда Добродеев отвёз Терезу в аэропорт. Прощались, пряча друг от друга глаза. Шумел вокзал, металлический голос диктора рвал шум и дробил его.

– Уходи, Добродеев, а то я сейчас разревусь.

– Нет, ты иди.

И вот он плетётся к машине, никого не видя, ничего не слыша.

– Корней Иванович, здравствуйте! Не узнаете меня?

Улыбающаяся Инна Сергеевна стояла у серебристого «мерседеса» и рядом – русоволосый статный мужчина.

– Ой, Инна Сергеевна! Здравствуйте! Извините, задумался, не заметил вас.

– Вы не в посёлок? Не возьмёте меня с собой?

– Конечно. Да, да... В посёлок я, – растерялся Добродеев, представляя глупое выражение своего лица.

– Вот и славно. Всё разрешилось. Спасибо вам, Даниил Степанович! Познакомьтесь с моим соседом по посёлку.

25

ПОЛОВОДЬЕ НАДВИГАЕТСЯ

Весна подкрадывалась-подкрадывалась и в один день заполнила собой окружающий пейзаж. Ещё вчера вечером дул холодный ветер, рваные тучи неслись по небу, морозец пощипывал щёки и голые руки, казалось, конца и краю не будет зиме, скалящей зубы, рычащей, как обессилевший зверь. Но весна победила зиму ночью, или было между ними так сговорено, но утро пришло тёплое, купающееся в разлитом солнечном свете. В лесу птичий гвалт, какофония звуков: нежно-трепетных и залихватски-вызывающих. Нехлюдин следил из окна дома, как соседский рыжий кот крадётся к кустам, у которых примостилась, выискивая корм, стайка мелких птичек. А кот – всем котам котяра! Сделает пару шажков среди жухлой травы и приостановится. Чем ближе добыча, тем чаще охотник припадает к траве, подолгу выжидая, чтоб ещё немножко продвинуться и прыгнуть, схватив когтистыми лапами пичугу. Нехлюдин механически повторяет движения кота, то приседая, то поднимаясь. Лицо красное от напряжения; растопырив руки, сжимает и разжимает кулаки, словно кошачьи лапы, вот-вот сам взлетит в мысленном прыжке и схватит добычу. «Давай прыгай, чего медлишь?!» – посылает шёпотом команду коту, но у кота свои соображения на этот счёт. Откуда ни возьмись, появилась сорока, и, пролетев над кустами, громко затрещала. Кот испуганно отскочил и недоуменно замер. «Идиот! – заорал Нехлюдин, – все идиоты! Сорок развелось без меры. Выслежу и перестреляю всех».

Он был зол. Всё идёт как-то не так. И сват как провалился в тартарары. Шума много – результата ноль. Когда начнётся реальный бизнес? Когда начнут друзья-соратники, Карпухин и Чавесов, строить дома на продажу? Когда будет востребовано поселковое электричество? Когда его, Нехлюдина, усилия станут приносить деньги? И начнут ли строить новые дома? Ведь за кольцевой дорогой, недалеко от Москвы, стоят целые посёлки на продажу! Кризис! Не до жиру! И от свата неделю ни слуху, ни духу.

Внезапный звонок прервал ход тревожных мыслей Нехлюдина. Звонил Карпухин. Договорились встретиться, как обычно, в бане. Нехлюдин, посылая водителя за пивом, вёл инструктаж:

– Смотай в Голицыно, возьми карпа горячего копчения на рынке у косоного Петра. У него мы в прошлый раз брали. И пива два бочонка возьми. Может, будет нефильтованное чешское? Редко, но бывает, дальнобойщики свежее привозят.

День прошёл в тревожных мыслях и хлопотах. Московский хмырь явился, чтоб заявить – он отказывается платить за аренду десять тысяч баксов в месяц, цены на рынке пали. Как это – пали?

– Палыч, я знаю, – палил скороговоркой учёный туз, – у нас с тобой договор аренды. Ставка согласована. Но пойми и меня. Кризис. Не могу я сейчас платить такую огромную сумму. Да и нет уже таких ставок! Лучше я потеряю при разрыве договора, но найду такой же дом за цену в два раза дешевле. У той же Инны Сергеевны пустует дом дочери.

– Отключу газ и электричество Инне Сергеевне и её дочери. Думаешь, так легко Нехлюдина обойти? Не выйдет, брат.

– Значит, поближе к Москве арендую дом, если не уступишь.

Договорились через три дня ещё раз встретиться, но Нехлюдин понимал, что придётся уступить. Раздражение нарастало. Накричал на жену и та, фыркнув, уехала ночевать в Москву. «Скатертью дорога! – мысленно обрадовался, – Мидорка тоже сплавит мужа, найдёт ему работёнку в Москве, а сама – ко мне».

Отъезд жены, мысли о встрече с Мидоркой немного подняли дух. К вечеру подстрелил сороку и привязал чучело к шести, вкопанному таджиками в мёрзлую землю. Пусть больше сороки не летают над его помещением!

Когда стемнело, явился Карпухин. Расселись в предбаннике.

– Игорёк, рад тебя видеть. Уже слышал от дочери о твоих злоключениях. А сам-то чего не звонишь?

– Это мелочи, Боря, звонил – не звонил. Плохи дела.

– У кого плохи?

– У всех, а у меня – особенно. Я тебе не говорил до поры до времени. Наш район включали в границы Москвы. В ожидании этого я и Чавес скупали земли в округе.

– Вот так свояк! Вот так друг! Партнёр, называется. Да после этого сволочь ты, Карп! Почему не сказал? Я бы мог тоже купить гектаров пять.

– Хватит с тебя, Боря. Три дома имеешь. Да и уберёг я тебя от риска. Не будет здесь Москвы, на наших помойках не будет! Включали и выключили! Пролетели мы, как фанера над Парижем. А без Москвы – это уже не то. Не те деньги.

– И что ты хочешь сказать, что я два года зря собачился со всеми? На хрена мне этим поганым кооперативом заниматься?! Горбатился, горбатился, а в итоге дырка от бублика. И что? Ничего не получу в итоге?

– А если бы ты, сват, потратился на землю по моей подсказке? Как бы ты сейчас реагировал? Вот то-то. – И Карпухин добавил примирительно: – Утихнет кризис. Пойдёт всё в рост. Будем строить коттеджи на продажу, и твоя доля в двадцать процентов никуда не денется. Но пока дело хреново.

– Или хуже?

– В Пенсионном фонде прошли аресты. В телевизор смотришь? Вопрос: выкрутится Чавес? Или резерв – не тот? Хотя он при всех властях на плаву, надо сказать.

– Так, хрен с ним, с Чавесом. Давай о себе подумаем.

– Ты прав, Боря. Хрен с ним, с Чавесом

Карпухин замолчал, прихлёбывая пиво и закусывая копчёным карпом. Обычно нетерпеливый и даже взрывной Нехлюдин тоже притих. Что ещё выложит Карп на стол? Вроде бы простоват с виду, а, считай, стратег. Он подумал, что Карп будет умнее его прежнего босса из северных губерний. Вот только ушами не вышел: уродливые уши, а мочка правого уха словно откушена. Нет. С такими ушами в политике делать нечего. От насмешек не уйдёшь. И вообще, кроме ума, в политике шарм важен. А Карп невысокий, пузатенький, с порванными ушами. Какой он политик? Вот Чавес – высокий, стройный, с крупным лицом, чем-то схожий с боливийским правителем. Молчаливо, без трескотни, но не слазит годами с вершины власти, хотя занимает не ахти какую должность. Умеет быть незаметным, будучи на виду у всех. Но и у Чавеса оказалось слабое место. Ну и Карп!

Карпухин нагнулся и что-то прошептал свату на ухо.

Нехлюдин округлил глаза и тут же громко воскликнул:

– Так пусть решит проблему кардинальным способом!

– Нет. Там тоже платить надо. Легче договориться с Костей Пуликовским. Но мне нужно пока уехать на год-два. А потом, когда всё уляжется, как-нибудь сговоримся. Тем более Михал Львович в посёлке проживает. Всё-таки братья они. Неужели не захочет договориться? Война – дело хлопотное и дорогое.

– А ты куда?

– Есть заготовленное местечко. Придёт время – всё узнаешь. Будет что делить, поделим по-свойски, как договорились.

Игорь Карпухин ушёл, и Нехлюдин тут же стал названивать Мидорке.

26

ЧАВЕСОВ – ЧАВЕС

После солнечного денька к ночи небо покрылось огромными тучами. В свете фонарей просматривались мелкие снежинки. Набежавшие за день лужицы покрылись тонкой коркой. Лёд, слегка припорошенный снежком,

выделялся целлулоидными пятнами на бурой прошлогодней листве. После Карпухина хотелось побыть одному, и Чавесов вышел прогуляться по дорожкам, выложенным испанской плиткой. Он не любил, когда события происходят не по его плану. Всё удавалось до сих пор. Всё получалось, что бы он ни замыслил. И вот первый сбой в его практикуме скрытой борьбы с остальным миром. Не удалось пробить посёлок в обновлённые границы Москвы, не удалось. Огромные деньги выпущены, словно беркут с руки охотника; что его, Чавесова, деньги? Утки, зайцы на тропе? Попали в когти... Карта бита! Когда-то он смог бы почти любой вопрос решить за теннисной игрой, но уровень его игры – его деньги. Да и другой спорт в фаворе: дзюдоисты, горные лыжники, а далее – все, кроме теннисистов, с кем он киснет. Соратники по прежней службе, выходцы из сложившихся кланов, друзья боевой юности, новые олигархи, не кичатся богатством и влиянием, ведут свою игру, тонкую и незаметную для постороннего глаза. Школа, что тут скажешь! Да и проекты у них масштабнее и круче, чем его Поливайлово, который, сравнивая, допустим, с объектами в Сочи, представляет собой песчинку в интерьере горных массивов. Конечно, было бы несолидно не иметь свой актив в Сочи, свою долю в бизнесе, – есть она у него, – но он не привык пренебрегать даже маленькими проектами. Главное, сбить команду и заставить эту команду работать на себя. В Поливайлово ему это удалось. Как спортсмен Чавесов умеет проигрывать. Принцип простой: не держать яйца в одной корзине и не плакаться в жилетку в случае неудач! Плевать на всё. Надо обдумать неудачу и переориентироваться. Проект Поливайлово из разряда важных дел переходит в разряд второстепенных, но остаётся в его сфере, если не так ляжет карта, переведёт его в полусферу.

Мысли вернулись к разговору с Карпухиным. Да! Недооценил этого жука. Подозрительно в курсе его неприятностей в Пенсионном фонде. Не обмолвился, но явно в курсе. Не он ли подлил масла в огонь?

А вот насчёт изменения территориальных границ Москвы Карп имеет достоверную информацию, и его источники в Московском правительстве не поражают воображение, но... Вот те и Карп! На уровне префектов контакты! Это – даже неплохо. Не может же он, Чавесов, везде светиться. На будущее надо использовать возможности Карпухина, лучше через Полторакова. А сейчас надо помочь Карпу защититься от наезда уральского мстителя. Кое-кого попросит – поговорят с Мордатом, и этого должно хватить. Чавесов поморщился от мысли, что приходится просить за Карпа. Когда просишь, жди, что наступит час, и к тебе придут за долгами – придётся отдавать. Но и Карпом запросто жертвовать не хотелось, ведь не пожарник, чтоб тушить пожары.

Время подходило к полуночи, и, заканчивая прогулку, Чавесов по привычке подошёл к забору и осмотрел второй участок, что за дорогой. Было не очень видно, но он отчётливо заметил, как к стоящей на дороге малолитражке приблизились трое мужчин, и, поспешно подталкивая того, кто был посередине, сели на заднее сиденье. Машина резко рванула и помчалась в сторону малого московского кольца. Постояв ещё какое-то время, Чавесов вернулся в дом, по пути предупредив охранников, чтоб не расслаблялись и делали ежечасно обход по периметру участка.

Утром от жены Карпухина – звонок: ищет мужа. Карп Рваное Ухо пропал?

27

В ПОСЁЛКЕ ПОЛИВАЙЛОВО ПРОПАДАЮТ ЛЮДИ...

По двору ходит Ромка, печальный. На вопросы Пелагеи Михайловны отвечает односложно, не улыбается, что на него не похоже.

– Ромка, на кого сердисься?

– Я не Ромка, я – Эрадж.

– Я такое имя и не выговорю. Ты здесь – Ромка, а среди таджиков – Эрадж или как там ещё? Да и сам просил звать тебя Ромкой. Что у тебя всё-таки стряслось?

– Не понимаю, бабушка.

– Что тут понимать?! Случилось что?

– Дальшота нет. Мир остался, и другой таджик взяли работать. Председатель думает, Дальшот уехал домой. А Дальшот дома нет. Мир звонил родителям. Нет там Дальшот. Что делать, бабушка?

– В милицию, или как там теперь, прости Господи, в эту самую полицию надо идти.

– Дальшот работал без регистрации, Нехлюдин не хочет полиция говорить.

– Разве я знаю, где искать? Раньше знала, когда вместе жили. А сейчас – врозь, разные епархии. Зять нескоро будет, дочь в Киеве. Что я могу?

– Спасибо, бабушка, – тихо сказал Ромка-Эрадж.

Кого заботит таджик без регистрации? Вот Карпухин исчез – это уже не шутки, слух пополз змейёй гремучей.

У Пелагеи Михайловны своя трагедия: дочь Тереза расходится с Корнеем. Видите ли, они так решили! А всё этот Интернет проклятый! Разыскала там одноклассника Валеру и вот нате вам – любовь у них на старости лет возобновилась. А семья, дети? И каково ей, матери, всё это наблюдать? Жалко дочь-дурёху. Ведь семья рушится. А дочери радостно. И Корней не печалится, только стал реже наезжать в посёлок. Но пропавшего таджика тоже жалко, и Пелагея Михайловна всё же позвонила Добродееву. «Пусть подаёт заявление в своё таджикское консульство, а я наведу справки через участкового», – подсказал зять. По телефону пообещал разобраться, но ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц ничем не порадовал. Исчез Дальшот, как в воду канул, с концами.

По посёлку пополз слух: таджик пропал, Карпухин исчез, с какой стати? Есть ли связь между этими двумя исчезновениями? Таджики ходят по посёлку с опаской, молчат, но между собой бурно обсуждают пропажу горячего земляка. Кто-то вспомнил, что Дальшот грозился посчитаться с Нехлюдиным и даже участковому угрожал.

Пропал один человек – поверят, два пропало – испугаются, кто-то затаится, а кто-то возбудится. Полтораков прямо сказал, что ему плевать, куда делся дворник, дворников можно десяток новых найти, а за Карпухина он, Полтораков, горло перегрызёт. Кому Полтораков собрался горло перегрызать? Кто знает? Но звучит угрожающе, если представить себе тяжеловесного бульдога с седой бородой, вцепившегося в горло неведомого врага.

Зато Мидорка не стала дипломатничать и прямо сказала своей соседке:

– Таджики могли Игоря убить. Мстят за Дальшота, который пропал неделей раньше. Гнать всех таджиков надо из посёлка, спокойней жить будет. По улицам ходят как у себя дома. Огрызаться стали, грубят.

– А Карпухин при чём здесь? Никто не заявлял о Карпухине. Может, уехал куда?

– Может, и уехал, но почему жена не знает, что Игорь уехал? Ушёл вечером погулять и домой не вернулся. Убрать надо всех таджиков из нашего посёлка. Это Клавка развела бардак со своим полковником – нам расхлёбывать.

– А работать кто будет?

– Ты бы, Надя, лучше за своими собаками убирала. Выгуливаешь по улицам посёлка, звери гадят, а мы должны таджиков содержать, чтобы за твоими собаками дерьмо убирали. Про закон знаешь? Дума приняла! С совочком надо и с пакетиком выгуливать собак. Участковый может привлечь к ответственности!

Ну, Мидорка, ты совсем сдурела. Я ведь с пакетиком хожу и сама убираю за собаками. Что же ты мешаешь всё в одну кучу: таджиков, Карпухина с Нехлюдиным, собак и ваш бардак?

– Расслабь булки! Завелась! Ишь ты! Смешала Борю с собаками! Гуляешь с ними по посёлку, а сама шпионишь. В каждый двор заглядываешь! Тьфу на тебя, дуру! Иди, трясги жирами! Не вздумай собачье дерьмо в урну возле моего дома складывать и вонь разводить. Досвидос! Чао! – Мидорка резко повернулась и пошла прочь, нарочито вихляя бёдрами.

Соседка смотрела ей вслед, судорожно глотая открытым ртом воздух, затем, не проронив ни звука, побрела, словно слепая.

28

ПРОВЕРКА НА ПРЕДАННОСТЬ?

Узнав, что Карпухин не вернулся от Чавесова с вечера и исчез, словно растаял в ночи, Нехлюдин не на шутку разволновался.

– Дарья, – начал издали телефонный разговор Нехлюдин со свахой, – Нинка сказала, что Игорь ушёл вечером к Чавесову и не вернулся домой. Он тебе больше ничего не говорил? Может, ты знаешь что-то, Даша? Давай встретимся, и ты расскажешь мне.

– Пошёл ты, Клоун, со своими расспросами, знаешь куда?! Знаешь. Вот туда и иди. У меня горе, а он глупости несёт, – в трубке раздалась частые гудки.

Озадаченный Нехлюдин сидел и тупо смотрел в окно, ничего не видя там. Что же получается? Карпухин исчез не по своей воле? Перехватили по пути домой от Чавесова? Привет от Кости Пуликовского? Или хитрость Карпа? Ушёл на глубину и затаился? Что будет с бизнесом, если Карпа замочили? Нехлюдин резко встал и, набрав номер, взволнованно сказал в трубку: «Апостиль Стефанович! Здравствуйте и извините, что нарушаю субординацию. Нам бы встретиться!»

Встречу Чавесов назначил в ресторане «Генацвале».

Не привык Нехлюдин так. События сами себя генерируют, помимо его воли. Опасно это, а в бизнесе недопустимо. Откуда ударят? И кто ударит? Может, свои? Тот же Карп? И с кем сейчас работать? Кто наверху? Раньше он знал Карпа, Карп держал связь с Чавесом. А сейчас, после исчезновения Карпа? Ориентироваться на Чавеса? А решение одно! И как на встрече вести себя с Чавесом? Уважительно? От уважения деньги не появятся. А без денег какой смысл выказывать уважение? Надо, чтоб Чавес его, Нехлюдина, зауважал!

От Одинцово за ним пристроилась серая «Лада» и не отпускала ни на шаг. У ресторана «Лада» остановилась рядом с его «мерседесом», из неё вышли три молодых крепких парня, похожих на грузин, и стали светить его взглядом.

Открыл двери ресторана с опасением и ощущением холода в нижней части живота. Что бы это значило? Кто его так нагло пасёт?

Невысокий и на вид щедушный грузин, но в элегантном чёрном костюме, с бабочкой на белоснежной сорочке, проводил Нехлюдина в отдельный кабинет.

За столом сидел Чавесов с чашкой чая.

– Присаживайтесь, Борис Павлович! Чай будете?

– Нет. Спасибо, Апостиль Стефанович.

– И хорошо. Времени в обрез. Что за срочность такая?

Нехлюдин обомлел – не от холодка, а прямо-таки нескрываемого холодного приёма. Взяв себя в руки, сказал твёрдо:

– Карпухин пропал! Бизнеса нет. Денег нет. Непонятно, как оно будет дальше! Карпухин вчера был у меня. Сказал о своей проблеме. Потом пошёл к вам – и всё. Что делать дальше?

– Борис Павлович, вы думаете, что я должен заниматься Карпухиным? У него жена есть, сын есть? Пусть они беспокоятся! В конце концов, в полицию могут обратиться. А что вы от меня хотите?

– Я сказал уже, что я на этом долбаном кооперативе кучу денег потерял! На вас работал! Карпухин обещал долю в бизнесе. А его – нет. Куда мне обращаться, если не к вам?

– Во как заговорил, Клоун! Жора тебе всё объяснит! И про бизнес, про свисток, и про поющий петушок. Пошёл вон! Я тебя не знал и не знаю.

Чавесов резко встал и вышел в боковую дверь.

Какое-то время Нехлюдин держался ровно на ногах, воспринимая услышанное и увиденное, как дурной сон, но потом, осознав происшедшее, почувствовал в мышцах вату. Почти волочась, вышел в открытую дверь. Смахнув рукой выступившую на лбу испарину, медленно открыл дверь на улицу.

Давнишней «Лады» не было. Накрапывали первые весенние капельки дождя. Спешили прохожие, раскрывая зонты. Обычно по ранней весне Москва залита солнечным светом, и с утра небо было чистое и светлое, а тут раз – и всё переменялось: набежали чёрные тучи. Он нерешительно потоптался у машины. Сесть за руль или бросить её, пойти к метро? А если его просто проверяют на преданность? Или, как говорится, на вшивость? «Да-да! Чавес хочет проверить, как я буду себя вести в такой ситуации», – пришла спасительная мысль, и он, сев в машину, включил зажигание.

29

СПУСТЯ ГОД...

Читатель устал от Нехлюдиных, Карпухиных, Полтораковых, Барташевичей, Мидорок, Барабановых и Чавесовых в обычной своей жизни. Автор уверен, хоть один раз каждый из нас сталкивался с кем-то из подобных персонажей, тогда он устал вдвойне. Наш читатель – идеалист, он, не задумываясь, идя по ночной улице и видя, что хулиганы напали на трёх девушек, обязательно не выдержит, кинется на выручку, потом окажется в коме на больничной койке. А девушки? Девушек спасёт, но их и след простынет. Бояться, что

бандиты мстить будут. Читатель, не отчаивайтесь! Судьи кто? Кто вступится не за девушек, а пойдёт против камарильи Чавесова? Узнать их имена шансов мало, потому что Чавесовы везде, и они – власть. А что, у нас есть альтернатива? Есть, но очень маленькая. Автор оставил на год героев Поливайлово, и ему самому интересно, как они пережили этот год. Когда по телевизору видишь у микрофона человека в очках с носом-кнопочкой и слышишь его призывы за обновление власти, то думаешь, что не дай Бог этот холуй опять вернётся и опять начнёт блудить. А ей что нужно, девушке из бомонда? Ей нужно больше славы, ещё и ещё! Одни и те же лица. Бэушные персонажи, как сказал один острый на язык читатель и зритель. Голосуют за этих, а не за тех, потому что те ещё хуже. Эти – отвратительные, а те ещё хуже! Вся страна – большое Поливайлово. Но в стране, как и в посёлке Поливайлово, есть другая жизнь, есть другие герои, есть народ, который рано или поздно разберётся, где правда, а где ложь. Чавесовы, Полтораковы, Нехлюдины, Карпухины! Среди доверенных лиц президента на приёме мелькнула физиономия Чавесова. Не значит ли это, что Чавесовы побеждают? Нет, не значит. Они просто не сдаются, они будут стараться сохраниться в кругу избранных с обновлёнными обличьями.

Среди получивших свою порцию раздач был Пуликовский. Он спасся. Его нашли в лесу с разбитой головой; отлеживался в клинике. Кто найдёт бандитов? Участковый на ухо сказал его теще: «Сам виноват».

Это Добродеев рассказал мне историю элитного посёлка Поливайлово. Но что-то он недоговаривал, загадочно улыбаясь, я не выдержал и спросил его:

– Корней Иванович, ты как-то изменился. Как будто помолодел. Светишься изнутри. Может, влюбился?

– Поезжай в Поливайлово и узнаешь все новости из первоисточников. Михаил Львович знает всё. Я ведь редко бываю сейчас в Поливайлово.

Сколько я ни бился, не стал мне ничего рассказывать Добродеев, только поделился радостью, что нашёлся таджик Дальшот. Его, оказывается, депортировали на родину.

Я побывал в Поливайлово и целый вечер беседовал за рюмкой коньяка с генерал-полковником в отставке Пуликовским.

Конечно, я использовал в своей повести определённую долю вымысла... Пусть дотошный читатель не ищет на карте Московской области посёлка с названием Поливайлово, но есть, есть реальные прототипы героев. Ромка удивил всех, женившись на чувашской девушке Тоне. Он собирается уехать с женой в Чувашию.

– Как же так, Ромка? – спросила его Полина Михайловна, – ты ведь мусульманин, а Тоня – православная христианка. Неужели твой отец дал согласие? А дети какой веры будут?

– Бабушка, Бог – один. Я не хочу, как отец, иметь две жены. Я хочу, чтобы только Тоня женой была. Я буду жить в Чувашии, а к родителям в гости буду ездить. Ромка будет учиться, Ромка будет строителем.

– Пусть Бог тебе помогает, Ромка.

Мидорка коротает дни в психушке. Белая горячка. Допилась до «Кондрата», хватил. Крепко ли? Даст Бог, отпустит.

К удивлению многих, Софья Кенгуру оказалась яркой последовательницей корейского проповедника Муна. Она вся – в новом деле: агитирует соседей вступать в секту мунистов и строить Божье Царство на Земле, а для начала – в посёлке Поливайлово. К ней присоединились Геннадий Царёв, собачница Надя и Барташевич. «Наш пострел и здесь поспел», – прокомментировал участие Пульки в секте мунистов обычно не вмешивающийся в поселковые дела старик Цукаренко.

– Маша, ты в секту не вступила? – в шутку спросила соседку Клавдия Андреевна.

– Зазывала меня Софья, но я говорить с ней даже не стала. Раньше молилась на Нехлюдина, а теперь нового кумира себе нашла, какого-то Муна, корейца.

– Не всё так просто, Маша. Эта международная секта околпачивает людей, лишает их и воли, и имущества. Держись подальше от них.

Софья Кенгуру изображает из себя саму невинность, демонстрируя искреннюю веру в учение нового заокеанского мессии. Хотя кто ей поверит? – показала уже своё настоящее лицо в борьбе за власть в посёлке. Такие, как Софья, никогда не успокаиваются, они всегда в гуще событий и даже создают события, карауля скандалы, и, подобно сучке у гаража в Реутово, выжидают безопасный момент, когда можно кинуться и увлечь за собой всю стаю.

И, конечно, случилось чудо, доселе необъяснимое ни наукой, ни исповедальным культом: собрание кооператива изгнало из председателей Нехлюдина, взяли и просто вытолкали его из круга. За что и про что – взашей? По доверенности свата Карпухина, что в бегах, замахнулся на многоквартирный дом. Фантастика! Дотошная Клавдия Андреевна вначале не поняла интригу. Потом выяснилось, этот дом, малогабаритный и дешёвый, мыслился для иноземных торговцев с рынка и для гастарбайтеров из Средней Азии. Что плохого? Дешёвая афера – получают деньги от инвесторов, построят коробки... Электричество и канализация побоку. Жди большой скандал, обвинение в разжигании ненависти... И обяжет власть подключить незваных гостей

к халяве Поливайлово. Через суд обяжет, во имя любви и интернационализма. Клавдия Андреевна встала на дыбы.

Перетягивание каната с непотопляемым Чавесом приняло затяжной вид. Теперь трансформаторная подстанция – пуп поливайловской земли. Что-то будет? Одному Богу известно.

Как и прежде, ходит по посёлку с большим животом вперёд Олег Полтораков, предлагая время от времени несуразные идеи. Хотя как сказать? Может быть, для непосвящённых его идеи и выглядят несуразными? Его последнее предложение – передать всю инфраструктуру посёлка из рук кооператива в независимый фонд.

– Хорошая идея. Правильно. Надо вывести имущество из кооператива на случай банкротства. А то придут кредиторы и отберут всё, – поддержал Барташевич.

– А я что говорю?! – обрадовался Полтораков.

Что за этим стоит? Секта мунистов, пытающаяся за счёт посёлка Поливайлово приумножить своё многомиллиардное богатство? Или жадность Чавесова и иже с ним? А может, Барташевич Пулька, используя свои чекистские навыки, пытается поближе к Чавесу продвинуться? Или готовят его на замену Карпу? Чем Пулька хуже Карпа? А ничем! К тому же, пооборотистее да поживее будет. И наглости несусветной столько, что равных ему не сыскать. Ученый-переученый всесильной службой. Только непонятно, за что его оттуда поперли? Умом, говорят, не вышел! И правда, уж очень Пулька примитивен. А как же он тогда в преферанс играет?! За это его и прозвали Пулькой. Чуть что, он тут как тут, давайте, мол, пульку распишем. Мухлевать – мастер высшего класса. Ловкость рук – и не надо ума!

На расширенном заседании правления Пуликовский дал отпор Полторакову и его стороннику Барташевичу:

– Что за бред? С какого бодуна кооператив под банкротство попадёт? При Нехлюдине могло всё случиться: и банкротство, и воровство. Но Клоуну дали под зад коленкой, да и без собрания кооператива увести собственность не удастся. Не допустим. Не морочьте головы людям, господа нехорошие! Тоже мне, полпрака с пулькой – новый союз несовместимости!

Но разве Полторакова смутит чем-то? Банкир – не раз перетёртый калач. К Чавесову бегаёт инкогнито по вечерам. Никак что-то новое замышляют? Отсюда и Пулька стал подымать головёнку и возвышаться.

Изменился посёлок до неузнаваемости, даже старик Ухватов отступил, теснее сплотившись со своими внуками, прямой, как столб, в несуразном чёрном пуховике, гуляет с ними на негнущихся ногах, невзирая на погоду. Детских голосов, детского смеха стало больше. По вечерам высвистывают трели соловьи; в скверике возле детской площадки поселилась пара рыжих белок, и детишки с радостью кормят их орешками. «А воздух, воздух пьянит утренней свежестью, – восторгается по телефону Пуликовский, – раньше срока сирень зацвела!»

Знакомый мальчик Юрка сказал по секрету Пуликовскому, что скоро у белок появятся бельчата и надо обязательно сделать ещё одну кормушку для них.

– Дядя, я недавно выучил новое стихотворение. Хотите, я прочитаю вам? – предложил Юра, когда молодой генерал подошёл к нему и поздоровался за руку.

– Конечно, хочу. Читай, Юра.

– А кормушку для бельчат сделаете?

– Сделаем, Юра. И скворечники развесим.

Юра взобрался на пенёк дуба и, подражая артисту, стал декламировать:

...Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.
А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живёт большой карась
И с ним большая карасиха.

– Молодец, Юрка! Дай срок, и сделаем прудок с карасём и карасихой, – сказал Пуликовский и пошёл домой, мурлыча понравившиеся строки «Там есть прудок, такой прудок, где тина на парчу похожа...»

На подходе к дому навстречу ему попался старик Цукаренко с диковатым, жавшимся к ноге молодым псом на поводке.

– Здравствуйте, Валерий Григорьевич! Откуда такой пугливый пёсик?

Старик кивнул в ответ головой и прошёл молча мимо, но потом, словно передумав, повернулся и сказал:

– Приблудный. Вчера подобрали с женой у магазина. На кличку Дружок отзывается. Наш-то Дружок погиб.

Немногословный старик побрёл дальше, а Пуликовский остался стоять, наблюдая за странной парой, пока старик и собака не скрылись за поворотом.

И СНОВА НАПЕВЫ...

Инна Сергеевна катила по улице детскую коляску в окружении миловидной женщины с мальчиком и двумя девочками. Мальчик и девочка поменьше бегали, играя в догонялки, но каждый раз возвращались к коляске и заглядывали в неё.

– Вася, Света, не шумите, а то малыша разбудите, – увещевала старшая девочка.

– Хорошие у тебя дети, Катя. Любаны опекает Свету и Васю по-взрослому. Как хорошо, когда в семье несколько детей, и они растут все вместе. А у меня дочь одна росла. И вот сейчас в коляске посапывает счастье моё. Дочь внучку подарила, а я спустя месяц сынишку родила. И стыдно, и радостно.

– Дети от Бога. Разве можно детей стыдиться?

– Что ты! Что ты, Катя! Я благодарю Бога за сынишку. Всё одно к одному. У меня муж, семья и новые друзья. Ведь ты с ребятишками – как подарок судьбы мне. Я когда подвозила вас, позавидовала тебе по-доброму.

Возле дома Пуликовских её окликнул хозяин:

– Здравствуйте, Инна Сергеевна! Давненько не видел вас. Поздравляю вас с сынишкой. Как назвали?

– Даниилом. В честь отца. Меня ведь больше года не было в Москве, а в посёлке и того больше. Я в Лондоне рожала сына. Муж настоял.

– Знаю, знаю. Звонил мне Добродеев, рассказывал о вашем муже, с которым познакомились в самолёте. Рад за вас и ещё раз поздравляю. Даниил Данилович! Здорово! Теперь здесь будете жить?

– Нет. Муж говорит, что в Поливайлово всё время будем в зависимости: от электричества, от правления, от недобрых людей. Столько всего здесь было!

– Понимаю. Сплетни Мидоркины росли в геометрической прогрессии после того, как Добродеев, проводив Терезу в Киев, доставил вас из аэропорта в посёлок на своей машине. И я, старый дурак, тогда поддался сплетням. Судьба – вертлявая дама! Так закрутит! Неожиданно для меня у нас оказались общие друзья: Толя и Настя. Невероятная история! И вот сынишка у вас. Как не радоваться! А жить-то где будете?

– В селе будем жить. Многолетняя мечта Даниила. Он оставил дипломатическую службу. Купили землю в Калужской области. Фермерское хозяйство муж заводит. Коровы, козы, индюшки, куры и даже страусов выписал. А дальше на конный завод хочет замахнуться. Сами пока ютятся будем в небольшой хатке. Все средства в ферму вложили. Даниил хочет всё по науке сделать. Даже немецких специалистов вызывал, чтоб почву исследовали. Рожь будем сеять. Хлебопекарню строить. Муж говорит, что надо возвращаться к нашим истокам. Он-то сам из села, это я – городская, хотя далёкие предки тоже были в Поволжье землепашцами.

– А как же с маленьким ребёнком в сельской хатёнке?

– Временно. Там же остались развалины княжеского дворца. Считай, руины. Муж восстановить хочет. Найдётся место для больнички сельской, и для начальной школы, и для церкви. Всё будет со временем. Муж говорит: «На века строимся».

– Вот это да! Дипломат и фермерство. Кажется, несовместимые вещи. Как называется ваша ферма?

– Давыдово. По фамилии мужа. Я настояла. Это – семейное дело. Вот Даниил подрастёт, будет помогать отцу. Муж не на радуется сыну. Ещё хочет детишек. Да куда там! Разве что дочь переманим с её французом и внучкой! – Инна Сергеевна зарделась от радости.

– А Корней Иванович лихим путешественником заделался. В Мексике он сейчас. Говорит, посмотрелся на землю с неба, а теперь хочет побродить по свету.

– Михал Львович! Я же говорила, что муж подружился с Добродеевым. Он помогает Корнею Ивановичу в разработке маршрутов.

– Обязательно наведаюсь в ваше Давыдово. От души желаю, чтобы всё получилось. Доброе дело задумали. Пелагея Михайловна знает, что вы здесь?

– А как же! Сейчас зайдём к ней, Даниила покажем. Обещала к нам в гости приехать, когда отстроимся.

– Помогай Бог! И вам с мужем, и Корнею Ивановичу.

– Спасибо, Михаил Львович! А это моя подруга Катя, приехала в гости с детишками из посёлка Жаворонки. Познакомьтесь, Михаил Львович.

Света сделала шуточный реверанс.

– Да ты у нас маленькая артистка! – засмеялся Пуликовский, – наверно, к детской площадке путь держите? Мои внучки уже там.

Инна Сергеевна покатила коляску дальше, а Пуликовский пошёл в яблоневый сад, посаженный им в лучшую пору. Побелив стволы, он принялся обрезать сухие и старые ветки, сокрушаясь, что всё недосуг, недостаток времени, отдался любимому делу. «Тепло уже, как бы поздно не было обрезать ветки, ведь сок пошёл?» – сомневался. «Раны замажу варом. Переболеет яблоня, зато избавится от паразитирующих веток: только соки на себя забирают, а плодам ничего не достаётся», – Пуликовский не отдавал себе отчёта, что вначале следует освободиться от жучков в людских образах, потом – время браться за паразитов в саду.

01.02. – 21.04.12, пос. Поливайлово

СОДЕРЖАНИЕ

1. Заяц на снежной тропе.....	3
2. Нехлюдин и его поместье.....	8
3. Знать бы прикуп.....	10
4. Несчастный случай.....	13
5. Обку прилёка.....	16
6. Раз «погнаю», два «погнаю».....	20
7. Выходной в Поливайлово.....	24
8. Странные грабители.....	29
9. «Рыжая белочка, кисточкой хвостик...».....	32
10. Процедура душ.....	36
11. «Миллион алых роз...».....	39
12. «Ещё немного, ещё чуть-чуть...».....	42
13. Ночные тени.....	45
14. Пожар среди ночи.....	48
15. Есть другая жизнь.....	51
16. Предвкушение.....	56
17. Пуликовский и Добродеев.....	57
18. Визит в Лондон.....	61
19. Скандалы, но не только.....	69
20. В Интернете есть почти всё, кроме.....	73
21. Время смутное.....	77
22. Если начинается шторм.....	81
23. Таджик Ромка, девушка Тоня и сколевшая собака.....	84
24. Добродеев.....	85
25. Поповодье надвигается.....	89
26. Чавесов – Чавес.....	93
27. В посёлке Поливайлово пропадают люди.....	95
28. Проверка на преданность?.....	98
29. Спустя год.....	101
30. И снова напевы.....	107

Литературно-художественное издание

Александр Иванович Матвеев

Поливайлово

Повесть

Корректор – *Е.А. Макалец*
Компьютерная верстка – *А.А. Новикова*
Дизайн обложки – *А.А. Новикова*

Подписано в печать 04.06.2013 г.
Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «KudrashovC».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 237.

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва
ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр. 1
тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru